

ТОМСИНОВ ВЛАДИМИР АЛЕКСЕЕВИЧ

заведующий кафедрой истории государства и права,
доктор юридических наук,
профессор юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

ВОПРОСЫ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ В ТВОРЧЕСТВЕ К.П. ПОБЕДОНОСЦЕВА

В настоящее время слово «реформа» воспринимается в России в качестве термина, обозначающего катастрофическое, пагубное для страны мероприятие государственной власти. И это вполне объяснимо. Происходящие на наших глазах в течение последних двадцати пяти (!) лет катастрофические для общества и государства процессы были запущены, приведены в движение именно реформами. Экономические и политические реформы, осуществленные в СССР в конце 80-х годов XX в., стали одной из главных причин распада Советского государства. Социально-экономические реформы 90-х годов разрушили и социальность, и экономику России. Они создали такой способ распределения материальных благ, собственности и политической власти, который расколол общество на группы с прямо противоположными, антагонистическими интересами. И собственность, и власть были монополизированы узкой группой лиц, не способных к эффективному их использованию в общественных интересах. В России снова появи-

лись олигархи и нищие, господа и слуги. Возродилась атмосфера гражданской войны. При сохранении существующего состояния нашего общества неудивительным будет, если у нас опять войдет в моду марксизм, а социалистическая революция по-ленински, т.е. с «экспроприацией экспроприаторов» и с отстрелом «слугами» своих «господ», станет лозунгом какой-нибудь политической партии.

Проведенная несколько лет назад реформа государственного аппарата также оказалась чрезвычайно неудачной. А идущие сейчас реформы системы образования и вооруженных сил повторяют печальный реформаторский опыт прошлого десятилетия — они столь же разрушительны по своему содержанию и пагубны по своим последствиям: во многом именно из-за этих реформ Россия встала перед реальной опасностью лишиться сколько-нибудь эффективной системы образования и боеспособной армии.

Подобных примеров можно привести много. История России последних двух десятилетий — это сплошная цепь не просто неудачных, но губительных для российского общества и государства реформ. Кто-то может усмотреть в этой закономерности нечто мистическое. Но на самом деле ничего мистического здесь нет: ее причины вполне объективны, и их нетрудно обнаружить. Для этого достаточно задаться вопросом: что объединяет все эти реформы? Ответ очевиден — их неподготовленность. Удивительно, но это факт: преобразования, вносящие коренные перемены в экономические и политические устои нашего общества, в основополагающие государственные институты, проводились (и до сих пор проводятся) без продуманного плана, без разработанного, обсужденного и оцененного специалистами проекта, без учета всех возможных последствий нововведений. Складывается впечатление, что главной целью этих преобразований было не создание нового, более благоприятного для общества порядка, но исключительно разрушение общественных и государственных устоев, сложившихся в советский период русской истории.

Как бы то ни было, общим результатом «реформ», проводившихся в последние два десятилетия, стало формирование в России уродливой общественно-политической системы, не способной обеспечить простым людям ни надлежащих гарантий личной безопасности и имущественной неприкосновенности, ни достаточного для нормальной жизни набора материальных и духовных условий. Исторический опыт показывает, что такая система не может существовать долго и обречена на скорый распад и гибель с самыми пагубными последствиями для живущих в ее рамках людей. Очевидно, что для того, чтобы избежать этого, необходимы реформы, но не такие, какие проводились до этого. *Необходимы реформы не разрушающие, а созидающие. Реформы, возвращающие наше общество к нормальной жизни, при-*

чем во всех сферах — экономической, политической, духовной.

Первейшей среди таких реформ должна стать реформа суда, восстанавливающая для «правосудия» его истинное значение, которое лучше всего выражает латинское слово «юстиция» — справедливость. *Справедливый суд — это единственный в наших условиях рычаг, которым общество может быть повернуто к нормальной жизни.*

Очевидно, что удачной может быть только тщательно подготовленная реформа. Подготовка судебной реформы должна включать в себя уяснение истинной сущности судебной власти, ее общественного значения и особенностей. Кроме того, необходим анализ современной практики судопроизводства, преследующий целью выявление самых слабых элементов действующей в нашей стране судебной системы. Вместе с тем требуется рассмотрение опыта функционирования судов и судебных норм в развитых западных государствах. Необходимо, наконец, озаботиться созданием системы подготовки квалифицированных и достойных по своим личным качествам кадров для судебных органов.

Однако первым шагом в подготовке современной судебной реформы в России должно стать изучение того, как готовилась и проводилась судебная реформа в Российской империи во второй половине XIX в. Документы этой реформы далеко не ограничиваются судебными уставами, высочайше утвержденными императором Александром II 20 ноября 1864 г.¹ Государственные деятели и правоведа, готовившие это одно из самых грандиозных преобразований в российском обществе, оставили нам в наследство десятки томов подготовительных материалов, записок, заметок, проектов, записей их обсуждения, научных и публицистических трудов. К сожалению, эти огром-

¹ Как известно, эта дата, пересчитанная на Григорианский календарь, принята в качестве Дня юриста. Несколько лет назад я предлагал объявить 20 ноября Днем российского судьи. К сожалению, к моему мнению не прислушались, и зря. «День юриста» звучит довольно смешно: нет такой профессии — юрист,

есть только образование, причем весьма и весьма примитивное в нынешнем его состоянии. А профессии — это адвокат, следователь, юристконсульт и т.д. Самая общественно значимая из юридических профессий — должность судьи. День 20 ноября — это именно для судей торжественный день.

ные по объему и ценнейшие по содержанию материалы пропадают в забвении и, по существу, не изучаются. Впрочем, и люди, создавшие все это духовное богатство, тоже забыты.

Одним из таких людей был К.П. Победоносцев. Он более известен как идеолог самодержавия — «хранитель Российской империи», наставник великих князей, двое из которых стали императорами (Александр III и Николай II), а также в качестве государственного деятеля, много лет занимавшего должность члена Государственного совета и обер-прокурора Святейшего Синода. Между тем Константин Петрович являлся одним из самых активных и умных разработчиков проектов судебной реформы, автором многочисленных записок по различным ее вопросам². Реформа гражданского судопроизводства стала темой его магистерской диссертации и трактата, опубликованного в 1859 г. в двух томах журнала «Русский вестник»³.

В круг разработчиков судебной реформы К.П. Победоносцева привели его образование, его научное творчество и судьба.

Родился Константин Петрович Победоносцев 21 мая 1827 г. в семье экстраординарного профессора отделения словесных наук Императорского Московского университета. Первоначальное образование будущий правовед получил дома. Оно было вполне приличным и позволило ему в 1841 г. поступить, минуя гимназию, в Императорское Училище правоведения, созданное по инициативе М.М. Сперанского и принца П.Г. Ольденбургского специально для подготовки молодых людей к гражданской службе «по части судебной»⁴.

Устав Училища правоведения предписывал принимать в «сие заведение» воспитанников «только из сословия древнего потомственного Российского дворянства, внесенного в шестую часть родословной книги, также детей военных чинов не ниже полковника, а гражданских 5 класса или статского советника». Предполагалось, что выходцы из таких семей будут на государственной службе людьми достаточно независимыми и не станут порочить себя взяточничеством и другими бесчестными поступками. Отец Константина Победоносцева имел чин статского советника: он был присвоен ему при уходе в от-

² Многие из этих записок были опубликованы в многотомном издании «Материалов по судебной реформе в России 1864 года». См., напр.: Победоносцев К.П. Предварительные замечания о плане и о главных основаниях Устава о судостроительстве // Материалы по судебной реформе в России 1864 года. Т. 17: Соображения разных лиц о преобразовании судебной части (1861—1862). СПб., 1862; Его же. Записка о развитии судопроизводства // Там же. Т. 26: Замечания о развитии основных положений преобразования судебной части. Ч. 6 (1861—1863). СПб., 1863; Его же. По проекту 2-й книги [Устава гражданского судопроизводства]: О тяжущихся сторонах и о праве искать и отвечать на суде (Разд. 1, гл. 1—2) / редактор К. Победоносцев // Там же. Т. 45: Работы редакторов по проекту Устава гражданского судопроизводства (Окт. 1862 — окт. 1863 г.). Ч. 2. СПб., 1864; Его же. По проекту 3-й книги [Устава гражданского судопроизводства]: О предварительном исполнении решений (Гл. 1) / редактор К. Победоносцев // Там же; Его же. По проекту 4-й книги [Устава гражданского судопроизводства]: Исполнительное производство по расчетам об убытках, издержках и доходах (Разд. 2) с объяснительной запиской редактора / редактор К. Победоносцев // Там же; Его же. По проекту 6-й книги [Устава гражданского судопроизводства]: О жалобах на действия должностных лиц административного ведомства (Разд. 1, гл. 1) / Исследования К. Победоносцева (17 марта 1864 г.) // Там же; Его же. Разногласия, последовавшие в Гражданском отделении Комиссии при обсуждении проекта второй книги Устава гражданского судопроизвод-

ства. О присяге тяжущегося (ст. 304). Возражение К. Победоносцева // Там же. Т. 46: Работы Гражданского отделения Комиссии по проекту Устава гражданского судопроизводства. Ч. 1, кн. 1—5 (30 нояб. 1862 — 24 окт. 1863 г.). СПб., 1864. С. 76—87; Его же. Разногласия, последовавшие в Гражданском отделении Комиссии при обсуждении проекта второй книги Устава гражданского судопроизводства. О доказательной силе осмотра на месте (ст. 329) и о предъявлении письменного или словесного заключения сведущих людей и о их присяге (ст. 348). Мнение К. Победоносцева // Там же. С. 89—91; Его же. Разногласия, последовавшие в Гражданском отделении Комиссии при обсуждении проекта третьей книги Устава гражданского судопроизводства. О случаях, в коих допускается кассация решений судебных палат (ст. 86 проекта). Мнение К. Победоносцева // Там же. С. 14—22; Его же. Разногласия, последовавшие в Гражданском отделении Комиссии при обсуждении проекта третьей книги Устава гражданского судопроизводства. О разрешении Сенатом прошений об отмене решений, без отсылки дела в судебную палату (ст. 117 проекта). Мнение К. Победоносцева // Там же. С. 27—32 и др.

³ Наиболее интересные фрагменты этого трактата публикуются в данном номере журнала «ЗАКОН» вслед за настоящей статьей.

⁴ См. об этом необычном юридическом учебном заведении в издании: Томсинов В.А. Юридическое образование и юриспруденция в России во второй трети XIX века. М., 2010. С. 173—193.

ставку в 1835 г. в награду за многолетнюю и беспорочную службу.

Программа обучения в Училище сочетала дисциплины гимназии и университета. Она предполагала, что воспитанники, прошедшие весь процесс обучения, изучат гимназические предметы и получают университетский уровень юридического образования. Им надлежало изучить такие юридические науки, как энциклопедия права, история русского законодательства, римское право, государственное право, гражданское право и судопроизводство, уголовное право и судопроизводство, полицейское право, финансовое законодательство и др. На должности преподавателей этих наук приглашались профессора из Царскосельского (Александровского) лицея и из Санкт-Петербургского университета.

Параграфом 50 Устава 1838 года предусматривалось, что «воспитанники, кончившие курс в Училище, сообразно успехам, показанным ими как на последнем испытании, так и на двух предыдущих, удостоиваются Советом чинов 9, 10 и 12-го класса».

15 июня 1846 г. окончивший Училище правоведения титулярный советник Константин Петрович Победоносцев был определен в канцелярию 8-го (московского) департамента Правительствующего Сената. В этом департаменте решались судебные споры по гражданским делам, поступавшие из губерний, прилегающих к Москве. 12 июля 1846 г. молодой правовед был назначен исправляющим должность помощника секретаря, 19 ноября занял место младшего секретаря. 28 марта 1847 г. его сделали исправляющим должность секретаря, а 15 мая — секретарем. Эту должность многие молодые чиновники ждали годами.

1 марта 1848 г. Константин Победоносцев был перемещен на ту же должность в 7-й (московский) департамент Сената, 22 марта он стал исправляющим должность обер-секретаря. 12 августа его причислили

к Министерству юстиции, а 15 сентября 1848 г. назначили исправляющим должность обер-секретаря 8-го департамента Сената: чиновник, занявший эту должность, становился довольно влиятельным и заметным человеком.

23 декабря 1849 г. Победоносцев был возведен в чин коллежского асессора, а ровно три года спустя — в чин надворного советника.

В конце декабря 1852 г. Победоносцеву было поручено орденом обер-прокурора проверить протоколы 8-го департамента Сената и взять под постоянное наблюдение журналы его заседаний. 24 марта 1853 г. он был назначен «заведующим одним из секретариатов за болезнью обер-секретаря»⁵, а 29 апреля того же года стал исправляющим должность обер-секретаря Общего собрания московских департаментов Сената⁶. 25 декабря 1854 г. ему был присвоен чин коллежского советника.

21 августа 1856 г. Константину Победоносцеву была поручена «проверка корректурных экземпляров высочайших приказов»⁷, печатавшихся в Московской сенатской типографии во время пребывания в Москве по случаю коронации императора Александра II. 27 мая 1858 г. Победоносцев был утвержден в должности обер-секретаря Общего собрания московских департаментов Сената. 25 декабря того же года он был возведен в чин статского советника.

Скорее всего уже в самом начале своей канцелярской деятельности Победоносцев в процессе исполнения обязанностей по своим должностям стал изучать юридические документы с целью написания научных работ по русскому праву. В 1858 г. в журнале «Русский вестник» была напечатана его довольно обширная по объему статья «Заметки для истории крепостного права в России»⁸, в журнале «Атеней» — рецензия на книги Д.И. Мейера «Очерк русского вексельного права»

⁵ РГИА. Фонд 797. Оп. 64. Д. 28 (Формулярный список 1898 г.). Л. 3 об.

⁶ Там же. Л. 4 об.

⁷ Там же. Л. 5 об.

⁸ См.: *Русский вестник: Журнал литературный и политический, издаваемый М. Катковым. М., 1858. Т. 15. Июнь. Кн. 1. С. 209—248. Кн. 2. С. 459—498; Т. 16. Август. Кн. 2. С. 537—582.*

и «Чтения о русском гражданском праве»⁹. Целую серию статей по истории русского права Победоносцев опубликовал в 1859 г.¹⁰

Во всяком случае, к концу 50-х годов он был известным в Москве знатоком российского законодательства. Поэтому когда в декабре 1858 г. юридическому факультету Императорского Московского университета потребовался преподаватель гражданского права и судопроизводства (в связи с тем, что исправлявший должность адъюнкта по кафедре гражданских законов В.Н. Никольский отправлялся в заграничную командировку), то попечитель Московского учебного округа Алексей Николаевич Бахметьев пригласил принять «звание стороннего преподавателя русского гражд[анского] права на время командировки адъюнкта Никольского» К.П. Победоносцева¹¹. Константин Петрович дал согласие, и 4 марта 1859 г. он был утвержден министром народного просвещения в этом звании.

В 1859 г. Победоносцев защитил магистерскую диссертацию «К реформе гражданского судопроизводства» и в следующем году стал исправляющим должность экстраординарного профессора юридического факультета по кафедре законов гражданских и гражданского судопроизводства.

Читая по семь часов в неделю в Московском университете лекции по гражданскому праву и курсу гражданского судопроизводства, Победоносцев одновременно продолжал работать в 8-м департаменте Правительствующего Сената. 19 ноября 1860 г. министром народном просвещения Е.П. Ковалевским ему было поручено разработать проект преобразо-

вания «морской судебной части» для Морского министерства. «Я желал бы, чтоб вы приняли в этом полезном деле преимущественное участие», — писал Евграф Петрович Победоносцеву¹².

2 июля 1861 г. Константин Петрович получил из главного управления Министерства юстиции распоряжение «о командировании для участия в составлении проекта нового судопроизводства России»¹³. 17 сентября 1861 г. в газете «Наше время» (№ 30) было опубликовано сообщение о том, что в комиссию по судебной реформе приглашены Д.А. Ровинский, Н.А. Буцковский и К.П. Победоносцев как приславшие «лучшие проекты». 8 ноября того же года Константин Петрович был откомандирован в Санкт-Петербург «в распоряжение государственного секретаря для временных работ по устройству и преобразованию судебной части»¹⁴.

Первые же заседания Комиссии о судебных уставах глубоко его разочаровали. В 1862 г. он записал в дневнике: «Вхожу *in medias res* Петербургского канцелярского формализма и либерализма. Отовсюду веет либерализмом и пошлостью: убеждаюсь, что не боги обжигают эти горшки, и ужасаюсь всеобщего либерального легкомыслия»¹⁵. Побывав 2 мая 1862 г. на заседании Соединенных департаментов Государственного совета по вопросу преобразования судопроизводства, Победоносцев занес в свой дневник следующее замечание: «Жалко подумать — каким скудным запасом сведений обладают самые деятельные из членов: одностороннее отношение к предмету, поверхностные взгляды: ни один вопрос глубоко не обсуждается. Так, напр[имер], никто не умеет объяснить идею кассации и отличить ее от

⁹ К.П. [Победоносцев К.П.] *Теория и практика: По поводу сочинений профессора Мейера: Очерк русского вексельного права. Казань, 1857, и Чтения о русском гражданском праве. Вып. I. Казань, 1858* // *Атеней: Журнал критики, современной истории и литературы, издаваемый под ред. Е. Корша. М., 1858. Ч. 6. С. 306–326.*

¹⁰ Победоносцев К.П. *Критика на сочинение М.М. Михайлова о Русском гражданском судопроизводстве до издания Свода Законов 1832 г.* // *Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Калачовым. СПб., 1859. Кн. 1 (с приложением). С. 1–62; Его же. Обзорение современного русского законодательства. XXXI том Полного Собрания Законов*

Российской Империи // *Русская беседа. М., 1859. Кн. 4 (16). С. 1–12; Его же. О реформах в гражданском судопроизводстве* // *Русский вестник. М., 1859. Т. 21. Июнь. Кн. 2. С. 541–581. Т. 22. Июль. Кн. 1. С. 5–34. Кн. 2. С. 153–190 и др.*

¹¹ См.: РГИА. Фонд 1574. Оп. 2. Д. 1. Л. 16. А также: ЦИАМ. Фонд 418. Оп. 34. Д. 195. Л. 1.

¹² РГИА. Фонд 1574. Оп. 2. Д. 1. Л. 20 об.

¹³ РГИА. Фонд 1574. Оп. 2. Д. 28. Л. 6 об.

¹⁴ Там же.

¹⁵ *Дневники К.П. Победоносцева (1846–1893)* // РГИА. Фонд 1574 (К.П. Победоносцев). Оп. 1. Ед. хр. 2 б. Л. 7.

апелляции»¹⁶. «Бледность знаний и юрид[ических] идей поразительная, — записывал Константин Петрович в свой дневник после еще одного заседания Комиссии о судебных уставах. — Бедная Россия! И вот кто тебя преобразовывает»¹⁷. Вывод, который он делал из своих наблюдений за работой высших государственных сановников, сближал его со славянофилами. «В одном народе чутся сила мысли и действия, — заявлял он. — А наверху, в правительстве — страшно и подумать, что делается. Безумные и мальчишки нами правят — в их руках благо и честь России»¹⁸.

А.Э. Нольде, специально исследовавший вопрос об участии Победоносцева в комиссии по судебной реформе, считал несомненным, что он «имел влияние в комиссии, к нему не могли не прислушиваться ввиду его начитанности, ввиду его умения находить для своих мыслей своеобразное выражение, ввиду большого знания жизненной практики»¹⁹. Содержание многочисленных записок Победоносцева по различным проблемам судебной реформы показывает, что среди членов комиссии он был одним из наиболее подготовленных к роли разработчика и критика законопроектов в этой области. В записке «О гражданском судопроизводстве», которую Победоносцев представил в декабре 1861 г. в комиссию по составлению судебных уставов, он подверг критике ряд предложений составителей проекта нового устава гражданского судопроизводства.

Главным недостатком действовавшего в то время в России гражданского процесса Победоносцев считал пронизывавший его до основания бездушный формализм, затруднявший рассмотрение дел и препятствовавший правильному их разрешению. Мертвые формы судебного процесса отвращали, по его мнению, от судебной деятельности молодые и свежие силы. А между тем потребность в создании по-

стоянного сословия судебных деятелей в России ощущалась острее, чем где-либо. «Ни в судебных местах, ни в среде судебных лиц, — отмечал Победоносцев в своей записке, — мы не имеем у себя хранилища судебных обычаев и судебной доктрины, не находим судебных авторитетов для руководства и указания и той внутренней дисциплины, которая, развиваясь в пределах сословия, придает прочность знанию, основательность мнению, обсуждению порядок и, воспитывая вновь вступающих, образует из них самым делом не работников только, но живых деятелей и учителей»²⁰.

В настоящее же время в России лица, от имени которых исходит судебный приговор, находятся, указывал Победоносцев, в руках полуобразованных приказных и чиновников канцелярии; тяжущихся сторон они не видят и не слышат и смотрят на решаемое ими дело через бумагу. Поэтому он возражал против плана разделения судопроизводства на общий порядок и сокращенный. Первый, в том виде как он был задуман и отчасти был осуществлен в действующем законодательстве, отдавал преимущество письменной форме судебного процесса, ослабляя значение словесного состязания. Сокращенный же порядок сводил процесс к словесным объяснениям и совершенно устранял письменные формы. По мнению Победоносцева, желательная цель судебной реформы могла быть достигнута только при условии, если центром судебного процесса было бы признано словесное объяснение, которому предшествовала бы письменная подготовка. Словесное состязание в судебном процессе должно происходить, считал Победоносцев, в живой речи, а не сводиться к прочтению записок. Все разбирательство и в конечном итоге вынесение решения должно основываться на тех данных, которые стороны приводят в суде. Для апелляционного производства он полагал возможным смягчить требование обязательной явки сторон на судебное заседание.

¹⁶ Дневники К.П. Победоносцева (1862–1866) // РГИА. Фонд 1574 (К.П. Победоносцев). Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 12.

¹⁷ Там же. Л. 41 об.

¹⁸ Там же. Л. 45.

¹⁹ Нольде А.Э. Победоносцев и судебная реформа. Пг., 1915. С. 13.

²⁰ Цит. по: Нольде А.Э. Обзор научной юридической деятельности К.П. Победоносцева. (Некролог) // Журнал Министерства народного просвещения. 1907. № 8. Отд. 4. С. 89.

Оценивая записку Победоносцева «О гражданском судопроизводстве», А.Э. Нольде отметил, что она «свидетельствует об очень отчетливом представлении автора ее как о недостатках существовавшего в его время *порядка* процесса, так и о коренной постановке желательного»²¹.

1861 год принес Победоносцеву еще одно назначение, которое, как он признал впоследствии, решило его судьбу «роковым образом» — ему было предложено преподавать юридические науки наследнику престола Николаю Александровичу. В течение двух лет Константин Петрович читал цесаревичу лекции по законоведению, русскому государственному праву и гражданскому праву²².

Князь В.П. Мещерский, познакомившийся с Победоносцевым в 1863 г., писал о нем в своих воспоминаниях: «Он произвел на меня очень симпатичное впечатление своим оригинальным костическим умом, постоянно сливавшимся с добродушием и веселостью, своею простотою и увлекательною речью и начитанностью. То были дни прекрасной весны его политической жизни. Призванный учить Цесаревича Николая Александровича, он всею душою отдавался этому делу, ибо находил в своем Ученике такую благодарную и богатую почву для прививания к Его молодой душе мыслей и знания. Этим наслаждением от отзывчивости и даровитости Цесаревича наполнилась жизнь К.П. Победоносцева в то время, и оно давало ему столько светлого, столько доброжелательного, столько свежего и бодрого в мыслях и в проявлении чувств»²³.

Весной 1862 г. Победоносцев возвратился в Москву и возобновил преподавательскую деятельность в Московском университете. Поскольку В.Н. Никольский уже прибыл из-за границы и преподавал курс

гражданского права, он стал читать лекции только по гражданскому судопроизводству.

В отделе рукописей Российской национальной библиотеки сохранился рукописный экземпляр лекций Победоносцева по этому курсу, которые он читал на юридическом факультете Московского университета с 15 января по 21 марта 1863 г. Как верно подметил А.Э. Нольде, «читался этот курс как раз в самую переходную эпоху от прежнего порядка к новому, когда уже было видно, что старому процессу долго не существовать, а новый находился еще в виде неокончательно отделанного проекта. Поэтому лектор был стеснен в выборе материала и стоял перед очень трудной задачей»²⁴. Победоносцев нашел удачный вариант лекционного курса: он посвятил его главным образом изложению начал «нового» процесса, существовавшего в то время в западноевропейских странах. Старый судебный процесс, который еще действовал тогда в России, он описывал кратко и с объяснением всех его недостатков.

«Прекрасный курс гражданского судопроизводства, ясный, сжатый, точный и поучительный, читал нам тогдашний Обер-прокурор восьмого департамента Сената — Константин Петрович Победоносцев»²⁵, — писал в своих воспоминаниях А.Ф. Кони. Он отмечал, что лекции Победоносцева были очень содержательными, хотя и довольно отвлеченными, теоретичными. По его словам, «это, впрочем, объяснялось тем, что лекции читались на распутье между старым и новым порядком, который установила реформа 1864 г. В них также, как это ни странно, было полное отсутствие критического элемента и того скептицизма, к которому так был склонен Победоносцев в своей дальнейшей деятельности. Победоносцев говорил очень однотонно, бесцветно-

²¹ Цит. по: Нольде А.Э. Обзор научной юридической деятельности К.П. Победоносцева. (Некролог) // Журнал Министерства народного просвещения. 1907. № 8. Отд. 4. С. 91.

²² См.: Победоносцев К.П. Лекции по русскому государственному праву, читанные цесаревичу Николаю Александровичу и великому князю Александру // ГАРФ. Фонд 728. Оп. 1. Кн. 6. Ед. хр. 3132. Ч. 15. 82 л.; Его же. Лекции по гражданскому праву,

читанные в 1862 г. цесаревичу Николаю Александровичу // ГАРФ. Фонд 728. Оп. 1. Кн. 6. Ед. хр. 2725. 206 л.

²³ Мещерский В.П. Мои воспоминания. М., 2003. С. 164—165.

²⁴ Нольде А.Э. Обзор научной юридической деятельности К.П. Победоносцева. С. 91.

²⁵ Кони А.Ф. Собрание сочинений в восьми томах. М., 1969. Т. 7. С. 99—100.

глухим и каким-то совершенно равнодушным голо- сом, точно исполнял надоевшую обязанность. Это также поражало меня впоследствии, когда мне приходилось слышать в разных комиссиях и в Государственном совете его сильное, своеобразно-красно- речивое слово, которое приковывало к себе общее внимание. Над кафедрой возвышалась фигура с бледным, худым... лицом... Победоносцев, предше- ствующий литературною известностью и славой опытного цивилиста, внушал нам уважение, но не оживлял нас и оставлял равнодушным к своему предмету»²⁶.

18 сентября 1862 г. Победоносцев был назначен обер- прокурором 2-го отделения 6-го департамента Сената. Летом 1863 г. он сопровождал своего ученика — це- саревича Николая Александровича в путешествии по России. 24 сентября того же года его назначили обер- прокурором 8-го департамента Сената и возвели в чин действительного статского советника, соответ- ствававший воинскому званию генерал-майора. Осень 1863 г. и весь следующий год Константин Пет- рович провел в Москве — в трудах и раздумьях.

«Живу я — так тихо и однообразно, что, если б вы могли видеть, вас из вашей суеты вдвое сильнее потянуло бы в покой московской. Утром — работа в сенате, ве- чером — работа дома, но кроме работы и книги — и кое-когда живые люди. Время не идет, а бежит», — со- общал он в ноябре 1864 г. А.Ф. Тютчевой.

После слов о себе Победоносцев описывал Анне Фе- доровне свои впечатления о происходившем вокруг: «Отчего это совсем людей нет? Отчего все кажется так мелко, ни в ком не слышится силы, не за кого ухва- титься — есть только через кого получать награды и казенные деньги и разные степени власти! Отчего са- мая власть так потеряла свои громадные размеры и с каждым днем все мельчает и мельчает? Или — для современника великих людей не бывает? Когда б вы знали, как мне хочется иногда встретить и поглядеть великого человека, человека с силой, с кем бы слить-

ся, с кем бы вместе поработать крепкую работу! Нет — нет — всю[ду] видишь только блеск казенной позо- лоты костюма, всюду слышишь звон — казенных де- нег. — Или пришло на нас по воле Божией такое вре- мя, когда, говорят, великие дела сами собою делаются. Не знаю — не знаю, — но мне часто делается страшно — что еще придется видеть и пережить. Испыта- ли ли вы это чувство — за себя и за других! Человек живет не так, как надо, слабеет, малодушествует, за- бывается, лжет сам себе, то есть говорит одно, а де- лает другое — и, веруя в любовь Божию, знает, что ждет его наказание, то есть явится событие, которое — вопреки ему — покажет ему правду, болью и печалью восстановит в нем равновесие сил, встряхнет его не в мысли только, не в чувстве и фантазии, а в самом корне жизни, правдою Божией. Так иногда страшно делается за будущее, когда видишь в настоящем признаки разложения и слабости и неправды. Людей нет крепких, которые служили бы представителями идеи, — но видишь, как в недостатке людей и идей — проникают в массу и бессознательно прививаются к ней разные мнения и борются одно с другим тай- ной борьбой, причем ни одно из них не принимает определенной формы, ни в одном из них, при всем упорстве, даже при ожесточении, не слышно той глу- бокой веры в идею, которая созидает и переработ- тывает. Но эта борьба, глухая борьба мнений, конечно, имеет свое значение и, перемешивая элементы, готовится почва — для какого-то неведомого со- бытия, готовится поле для какой-то неизвестной силы, которая еще явится. Вот отчего иногда страшно становится жить, и из этого страху разве только опять это слово выводить: „Господь Бог”».

В ночь с 11 на 12 апреля 1865 г. в Ницце скончался на- следник престола великий князь Николай Алексан- дрович. Получив на следующий день известие об этом горестном событии, Константин Петрович немед- ленно написал А.Ф. Тютчевой: «О, какое горе — Анна Федоровна! Какое горькое и страшное горе! Такая то- ска, такая тьма напала на душу — всю Светлую неде- лю прожил я в агонии, от одной телеграммы к другой, — и все еще таилась надежда, — а сегодня страшная весть всё унесла, всё разбила — нет нашего милого ца- ревича — и всякую минуту его точно живого видишь

²⁶ Кони А.Ф. *Собрание сочинений в восьми томах. М., 1966. Т. 2. С. 233–234.*

перед собою... На него была надежда, и в каждом из нас, знавших его, эта надежда оживала тем более, чем темнее становился горизонт, чем сильнее стали напирать темные силы, чем безотраднее казалась обстановка судеб наших. На него была надежда — мы в нем видели противодействие, в нем искали другого полюса, и глаза наши привыкли от мрака, все больше и больше сгущавшегося на северной точке нашей, обращаться в Ниццу, к нему и к Государыне. Его мы знали — и народ его знал и на него надеялся и бессознательно на нем покоил свою надежду на лучшее будущее. И эту надежду Бог взял у нас — что с нами будет? Да будет Его святая воля!

Боже мой! Так молод, — посреди всей роскоши южной природы, под блестящим солнцем, в яркий весенний день, из золотой чаши выпил он смертельное питье! А мать — бедная мать! Чем ей тьму просветить, чем ее горе измерить. О, благослови ее и утешь ее, Боже!

Я знаю, как вам тяжело, — и ничем не умею вас утешить, потому что сам себе не вижу утешенья. — Только хочу свое горе приложить к вашему и слить с ним. — Господи! как пусто и горько все кажется! Силы нет больше писать вам — и о чем еще писать! Судьба Божия наступила и весь мир накрыла! Господь с вами! Дай Боже вам сил и утешенья!»

После смерти цесаревича Николая Александровича наследником российского престола стал его брат великий князь Александр Александрович. В августе 1865 г. Константин Петрович был назначен к нему наставником в законоведении. Вследствие этого назначения для преподавания в Московском университете Победоносцеву не стало доставать ни времени, ни сил, и он принял решение оставить преподавательскую деятельность и переехать в Петербург.

В конце марта 1868 г. вышел в свет первый том «Курса гражданского права» К.П. Победоносцева²⁷. 13 апре-

ля того же года юридический факультет Московского университета рассмотрел заявление исправляющего должность экстраординарного профессора В.Н. Никольского «об ученых достоинствах нового труда почетного члена М[осковского] у[ниверситета] К.П. Победоносцева», на основании § 113 Университетского устава «единогласно постановил ходатайствовать пред Советом об удостоении г. Победоносцева степени доктора юридических наук по отделу гражданского права»²⁸. В тот же день Совет университета утвердил Победоносцева в данной степени.

За два с небольшим месяца до этого — 19 февраля 1868 г. — Победоносцев был назначен сенатором, присутствующим во 2-м департаменте Сената и возведен в чин тайного советника. 28 ноября того же года он был переведен в Гражданский кассационный департамент.

1 января 1872 г. Победоносцев был назначен членом Государственного совета по департаменту гражданских и духовных дел, т.е. получил возможность, как он сам о себе писал, «высказывать вслух свои мнения по государственным вопросам, — мнения, коих никогда ни от кого не скрывал»²⁹. Правда, Константин Петрович довольно быстро разочаровался в Государственном совете. По свидетельству окружающих его людей, он неоднократно высказывался об этом учреждении резко отрицательно — например, заявлял, что его надо бы на замок запереть и ключ бросить в Неву, или же признавался в том, что ему надоело слушать болтовню на заседаниях Государственного совета. В одном из писем 1878 г. к Е.Ф. Тютчевой Победоносцев писал, что члены Государственного совета «продают правду жизни и твердые ее начала — на пошлейшие аргументы либеральных начала, и всякий раз оглядываются — не сочла бы нас Европа за варваров!». По его словам, они «что угодно готовы разрушить, от чего угодно отказаться, что угодно принять, лишь бы блестяли лоском европейской биржи!»³⁰ В 1880 г. он жа-

²⁷ Второй том «Курса гражданского права» Победоносцева вый-дет в 1871 г., третий — в марте 1880 г.

²⁸ ЦИАМ. Фонд 418. Оп. 37. Д. 137. Л. 1.

²⁹ Победоносцев К.П. Письмо к Николаю II // Великая ложь нашего

времени. М., 1993. С. 626.

³⁰ Победоносцев К.П. Письма к Е.Ф. Тютчевой (1878) // Отдел рукописей РГБ. Фонд 230 (К.П. Победоносцев). Карт. 4408. Ед. хр. 13. Л. 68—68 об.

ловался Екатерине Федоровне, как тяжело ему «сидеть между людьми, отрешившимися от преданий, потерявших смысл государственный, желающими только сбросить с себя бремя ответственности, пустить куда-то в свободное пространство — в так называемое общество важнейшие функции государственной власти». И «все эти тенденции расслабленного эгоизма, — констатировал Победоносцев, — прикрываются и оправдываются фразами, формулами истасканного либерализма»³¹.

У членов же Государственного совета славившийся своим критическим умом и широкой образованностью профессор вызывал невольное уважение. А.Ф. Кони вспоминал впоследствии, что большинство выступавших на заседаниях Госсовета постоянно смотрели в сторону Победоносцева, «жадно отыскивая в сухих чертах его аскетического лица знак одобрения или сочувствия тому, что они говорили, поддельваясь под взгляды... «великого инквизитора», как они его заочно называли»³².

24 апреля 1880 г. император Александр II назначил К.П. Победоносцева обер-прокурором Святейшего Синода, оставив его при этом на должностях сенатора и члена Государственного совета. В обер-прокурорские функции входил контроль за назначениями тех или иных лиц на епископские и митрополичьи кафедры, а также на профессорские должности в духовных учебных заведениях. Победоносцев сделался, таким образом, фактическим руководителем русской православной церковной организации.

Новая, более высокая, должность не обрадовала его. «О, подлинно страшное дело власть, и те, кто желают ее, не ведают, что глаголют, — восклицал он в письме к Е.Ф. Тютчевой, грустно замечая при этом: — Я всегда смотрел на нее как на бедствие, зная, что во

власти надо потерять свободу и быть всем слугою. Поддерживают меня вера в святость призвания и надежда на живые силы»³³.

Восшествие на императорский престол Александра III после убийства 1 марта 1881 г. Александра II усилило роль Победоносцева в политической жизни Российской империи, хотя он остался в прежних своих должностях и был лишь повышен в чине: 17 апреля 1883 г. он стал действительным тайным советником. На целую четверть столетия — срок и по тем временам огромный — Победоносцев сделался одной из самых влиятельных фигур в русской политической элите. И это притом что самой этой элите он остался чужд. За десятилетия жизни в Санкт-Петербурге он так и не смог сродниться с его сановно-чиновным миром. Более того, злобедность этого города стала ощущаться им еще острее. «Бедлам и центр разврата на всю Россию»³⁴, — такими словами назвал он Санкт-Петербург в письме к С.А. Рачинскому, написанном 30 июня 1882 г.

Политическое значение Победоносцева слегка пошатнулось после смерти императора Александра III и восшествия на престол Николая II. Однако новый император также, как и прежний, был учеником Победоносцева: в течение двух лет и восьми месяцев — с 11 октября 1885 по 10 июня 1888 г. — он слушал его лекции по юридическим наукам и наставления в политике, читавшиеся каждую пятницу по два часа в Гатчинском дворце. И слушал, как отмечал сам Константин Петрович, «с интересом и живостью»³⁵. Поэтому в целом положение Победоносцева в сановной иерархии Российской империи осталось очень влиятельным и при новом императоре. Но мудрый старик понимал, что правительство в новых условиях бессильно остановить ход событий, влекущий Россию к революционной катастрофе. «До чего доживут — общество и правительство, — писал он

³¹ Победоносцев К.П. Письма к Е.Ф. Тютчевой (1880) // Отдел рукописей РГБ. Фонд 230 (К.П. Победоносцев). Карт. 4408. Ед. хр. 13. Л. 79 об—80.

³² Кони А.Ф. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 2. М., 1966. С. 267.

³³ Победоносцев К.П. Письма к Е.Ф. Тютчевой (1880) // Отдел рукописей РГБ. Фонд 230 (К. П. Победоносцев). Карт. 4408.

Ед. хр. 13. Л. 31.

³⁴ Письма к С.А. Рачинскому // Отдел рукописей РНБ. Ф. 631 (С.А. Рачинский). 1882. Январь — июль. Л. 167.

³⁵ Победоносцев К.П. Письмо к С.А. Рачинскому от 13 ноября 1885 г. // Отдел рукописей РНБ. Фонд 631 (С.А. Рачинский). Письма к С.А. Рачинскому. 1885. Октябрь — декабрь. Л. 105 об.

19 июля 1900 г. в письме к С.А. Рачинскому. — Удивительно думать, как и те, и другие помешались на служении идолу свободы. Ужасаются анархии и анархистов, но говорят: что же делать — свобода! И на мысль не приходит, что это не борьба идеи с идеей, а борьба с эпидемией, с заразой, которая охватывает тысячи и миллионы душ, распространяемая тою же непрерываемою свободой — свободой всяческого делания, всяческой речи, и особливо свободой печати: и дух захватывает, когда думаешь о несчастной России»³⁶.

С каждым годом нового царствования у Победоносцева все меньше оставалось надежд на то, что России удастся избежать катастрофы. В декабре 1904 г. он делился своими горестными предчувствиями с П.И. Бартеневым: «Бог отнял у людей разум. В 1881 году можно было надеяться — теперь ни в ком нет опоры»³⁷. «Я чувствую, что обезумевшая толпа несет меня с собою в бездну, которую я вижу перед собой, и спасения нет»³⁸, — писал Константин Петрович 25 декабря 1904 г. С.Ю. Витте.

Издание 17 октября 1905 г. «Манифеста об усовершенствовании государственного порядка», вменившего в обязанность правительства «даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов», показало Победоносцеву, что все его опасения начали оправдываться. 19 октября он подал в отставку с поста обер-прокурора Святейшего Синода. Оставшись после этого лишь членом Государственного совета, Константин Петрович больше не принимал сколько-нибудь заметного участия в политической жизни русского общества. В его жизни наступила пора подведения итогов.

Судьба избавила Победоносцев от тяжелой участи наблюдать гибель России, которую он и предчувство-

вал, и предсказывал. Он умер 10 марта 1907 г., не дожив двух месяцев и одиннадцати дней до своего восьмидесятилетия.

* * *

Творчество Победоносцева было в значительной его части полемиическим. И в научных, и в публицистических своих трудах он постоянно с кем-то спорил, что-то опровергал, ниспровергал. Он говорил и писал не только умом, но и сердцем и убеждал других в своей правоте во многом потому, что искренне верил в истинность своих суждений. Адвокат и публицист В.В. Беренштам приводит в своих мемуарах любопытное высказывание В.А. Манасеина, лично знавшего Константина Петровича: «Знаете, — говорил мне Вячеслав Авксентьевич, — ведь Победоносцев — искренний человек. Он, несомненно, ханжа, но это глубоко искренний человек. Я видел его в 60-х годах, когда все кругом либеральничали, когда нужно было иметь большое мужество, буквально отвагу, чтобы в профессорской среде не быть либералом. И в это самое время Победоносцев, подходя к монастырю, становился на колени, вставал и, поминутно падал на колени, полз по земле к храму. Вот каков этот человек! Вы посмотрите, какой он и убежденный человек! Вы прочтите его «Московский сборник». Ведь это написал 69-летний старик, а сколько тут полемиического задора! И как много ни сделал Победоносцев зла России, этот человек никогда не лгал и всегда сам был искренне убежден в пользе того, что делал»³⁹.

«Московский сборник», о котором упомянул В.А. Манасеин, весьма необычное произведение. Впервые оно было издано в 1896 г., в том же году вышло в свет вторым и третьим изданиями, в 1897-м — четвертым, а в 1901-м — пятым изданием. По жанру это сборник статей, посвященных различным аспектам общественной жизни России. И хотя немало мыслей в со-

³⁶ Письма к С.А. Рачинскому // Отдел рукописей РНБ. Фонд 631 (С.А. Рачинский). 1900. Июль — август. Л. 2.

³⁷ Письма разных лиц к П.И. Бартеневу (1904) // РГАЛИ. Фонд 46 (П.И. Бартенев). Оп. 1. Ед. хр. 596. Л. 394.

³⁸ Цит. по: Тальберг Н.Д. Победоносцев: Очерки истории императорской России. М., 200. С. 123—124.

³⁹ Беренштам В.В. Из пережитого. Около войны. Заметки адвоката. Воспоминания. Пг., 1915. С. 178.

держании «Московского сборника» Победоносцев заимствовал у тех или иных иностранных писателей, данным произведением он ярко выразил свое собственное мировоззрение. Нигде, пожалуй, Победоносцев не раскрывается в своих качествах идеолога в такой степени, как на страницах «Московского сборника»⁴⁰.

Через все это сочинение он последовательно проводит мысль о пагубности политических и юридических учреждений, оторванных от исторических устоев общества, не соответствующих быту и сознанию народа. Такими учреждениями Победоносцев считает для России институты западной демократии — парламент, так называемую свободную печать, суд присяжных и т.п.

«Если бы потребовалось истинное определение парламента, — пишет Победоносцев в статье «Московского сборника» с примечательным названием «Великая лож нашего времени», — надлежало бы сказать, что парламент есть *учреждение, служащее для удовлетворения личного честолюбия и тщеславия и личных интересов представителей*»⁴¹.

Несоответствующим общественным условиям России Победоносцев считал и суд присяжных. Данное учреждение, отмечал он, усиливает случайность приговоров даже в тех странах, где существует «крепкое судебное сословие, веками воспитанное, прошедшее строгую школу науки и практической дисциплины». «Можно себе представить, — продолжал он, — во что обращается это народное правосудие там, где в юном государстве нет и этой крепкой руководящей силы, но взамен того есть быстро образовавшаяся толпа адвокатов, которым интерес самолюбия и корысти сам собою помогает достигать вскоре значительного развития в искусстве софистики и логомахии, для того чтобы действовать на массу; где действует пестрое, смешанное стадо при-

сяжных, собираемое или случайно, или искусственным подбором из массы, коей недоступны ни сознание долга судьи, ни способность осилить массу фактов, требующих анализа и логической разборки; наконец, смешанная толпа публики, приходящей на суд как на зрелище посреди праздной и бедной содержанием жизни; и эта публика в сознании идеалистов должна означать *народ*»⁴².

Еще более резкой критике Победоносцев подвергал «так называемую свободу печати». По его мнению, данное явление есть «одно из безобразнейших логических противоречий новейшей культуры, и всего безобразнее является оно именно там, где утвердились начала новейшего либерализма, — именно там, где требуется для каждого учреждения санкция выбора, авторитет всенародной воли... От одного только журналиста, власть коего практически на все простирается, не требуется никакой санкции. Никто не выбирает его, и никто не утверждает»⁴³. Судья, указывает Победоносцев, имея правомочие карать нашу честь, лишать нас имущества и свободы, получает его от государства. Он должен продолжительным трудом и испытанием готовиться к своему званию. Он связан строгим законом, он действует под контролем высшей власти, приговор его может быть изменен и исправлен. «А журналист имеет полнейшую возможность запятнать, опозорить мою честь, затронуть мои имущественные права; может даже стеснить мою свободу, затруднив своими нападками или сделав невозможным для меня пребывание в известном месте. Но эту судебскую власть надо мною сам он себе присвоил: ни от какого высшего авторитета он не принял этого звания, не доказал никаким испытанием, что он к нему приготовлен, ничем не удостоверял личных качеств благонадежности и беспристрастия, в суде своем не связан никакими формами процесса и не подлежит никакой апелляции в своем приговоре»⁴⁴.

⁴⁰ По некоторым сведениям содержание данного произведения составили лекции, читавшиеся Победоносцевым наследникам российского престола цесаревичам Николаю Александровичу, Александру Александровичу и сыну последнего Николаю Александровичу — будущему императору Николаю II.

⁴¹ Победоносцев К.П. *Московский сборник* // Победоносцев К.П. *Сочинения*. СПб., 1996. С. 286.

⁴² Победоносцев К.П. *Суд присяжных* // Там же. С. 300.

⁴³ Победоносцев К.П. *Печать* // Там же. С. 303.

⁴⁴ Там же. С. 303.

Многое из того, что было высказано Победоносцевым в «Московском сборнике», можно встретить в его записках императорам и письмах различным лицам. В записке о реформе судебных учреждений, поданной Победоносцевым императору Александру III осенью 1885 г.⁴⁵ Константин Петрович говорил о суде присяжных примерно то же самое, что позднее опубликовал в «Московском сборнике». «Учреждение присяжных в уголовном суде оказалось в России совершенно ложным, совсем несообразным с условиями нашего быта и с устройством наших судов, и, как ложное в существе своем и в условиях, послужило и служит к гибельной деморализации общественной совести и к извращению существенных целей правосудия... Присяжные, случайно набираемые большей частью не из крепких, а из слабых и зависимых людей в обществе, предоставлены случайному воздействию на них всяких сторонних влияний со стороны адвоката, со стороны публики, со стороны господствующего в настоящую минуту предрассудка, со стороны лица, наиболее главного в среде их самих, наконец, — со стороны подкупа и уговора, — чему были уже, к сожалению, неоднократные примеры. От этого учреждения необходимо нам отделаться, дабы восстановить значение суда в России»⁴⁶.

В русском общественном сознании К.П. Победоносцев всегда воспринимался прежде всего как государственный деятель и идеолог. При этом в тени оставалась другая, не менее интересная его роль — роль ученого-правоведа. Те из российских юристов, кто был знаком с юридическими сочинениями Победоносцева, высоко оценивали его как специалиста в области юриспруденции. Так, А.Э. Нольде писал в 1907 г. в статье-некрологе, посвященной Победоносцеву: «Политическая известность его заслонила собой более скромную и менее бросающуюся в глаза ученую его деятельность. А между тем она заслу-

живает внимания; сочинения К.П. Победоносцева по вопросам гражданского права и, в частности, капитальный труд его в этой области «Курс гражданского права» имели в свое время большое значение для научной разработки этой дисциплины, да и в настоящее время не утратили его. На них лежит своеобразный отпечаток, и в нашей юридической литературе они занимают видное место»⁴⁷.

Помимо гражданского права, Победоносцев профессионально занимался также проблемами гражданского судопроизводства. Он опубликовал по этой отрасли юриспруденции множество своих статей, записок и заметок. В 1872 г. вышла в свет его книга под названием «Судебное руководство. Сборник правил, положений и примеров, извлеченных из теории и практики гражданского судопроизводства». Литографическим способом была размножена запись лекций Победоносцева по курсу гражданского судопроизводства, читавшихся им на юридическом факультете Московского университета с 15 января по 21 марта 1863 г.⁴⁸ В 1865 г. в газете «Московские ведомости» (14–17, 28, 30 апреля и 1 мая) Константин Петрович опубликовал анонимно серию статей-передовиц о судебной реформе⁴⁹.

Главная мысль, которую Победоносцев проводил в своих статьях, записках и заметках относительно судебной реформы, заключалась в том, что преобразования судебной организации и судебного процесса, узаконенные судебными уставами 1864 г., не были обеспечены необходимым числом соответствующих исполнителей — квалифицированных и честных судебных деятелей. «Не учреждения сами по себе, не тот механизм, который проектирован для них в судебных уставах, составляют желанную цель преобразования, — подчеркивал Победоносцев, — учреждения эти, в новой своей организации, суть только средство для достижения цели, а целью слу-

⁴⁵ 2 ноября 1885 г. император Александр III написал К.П. Победоносцеву: «Благодарю очень за присланную записку о реформе судебного строя».

⁴⁶ К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. М. — Пг., 1923. Т. 1. С. 510–511.

⁴⁷ Нольде А.Э. Обзор научной юридической деятельности К.П. По-

бедоносцева // Журнал Министерства народного просвещения. 1907. № 8. С. 237.

⁴⁸ См.: Гражданское судопроизводство. Лекции профессора К.П. Победоносцева. М., 1863. Рукопись имеет 354 страницы.

⁴⁹ См.: Победоносцев К.П. Сочинения. СПб., 1996. С. 35–64.

жит утверждение в судебной практике основных начал правого и разумного суда»⁵⁰. Отсутствие достаточного числа надлежащих исполнителей Константин Петрович считал самым серьезным препятствием к достижению данной цели. Обращаясь осенью 1885 г. к императору Александру III, он писал: «В Российском государстве не может быть отдельных властей, независимых от центральной власти государственной. Возведенная в принцип абсолютная несменяемость судебных чинов представляется в России аномалией странной и ничем не оправдываемой, ибо в нашей истории не могло образоваться донныне особое судебное сословие, крепкое знанием, преданием и опытом и связанное чувством и сознанием корпоративной чести. При недостатке людей твердых и успевших пройти правильную школу опыта, приходится при замещении судебных должностей довольствоваться деятелями юными и малоопытными и представлять им деятельность в среде губернского и уездного быта, которая, как известно, у нас еще не способна сама воспитывать и направлять общественных деятелей. Очевидно, что прививать к таким должностным лицам сознание внешней независимости от властей и права несменяемости — не дело здоровой политики и служит не столько к нравственному укреплению судебного сословия, сколько к его деморализации, что мы и видим на самом деле»⁵¹.

Любопытно, что Победоносцев весьма негативно оценивал реформы Александра II. «А нам здесь, — писал он 14 декабря 1864 г. из Петербурга Анне Федоровне Тютчевой, — не поверите, как надоели преобразования, как мы в них изверились, как хотелось бы на чем-нибудь остановиться, чтоб знать, наконец, какое колесо у нас вертится и на каком месте какой работник стоит... Право, иной раз можно вообразить, что живешь между детей, воображающих, что они взрослые: посудите, как это тяжело. И как часто на всем этом рынке проектов, во всем этом шуме де-

шевых и неглубоких восторгов вспоминаешь слова Иоанна „идолы у язычников — серебро и золото, дело рук человеческих. Очи имут и не видят, уши имут и не слышат, ноги имут и не ходят, язык имут и не говорят. Подобны им все, кто надеется на них и поклоняется им”. На этом рынке идольском кто встанет, кто появится крепкий, чтоб разбить кумира и провозгласить Бога истинного? У всякого идола — свои жрецы, которые и его и себя вместе с ним защищают». «Все, что я вижу, что совершается вокруг, гнетет душу, — изливался Победоносцев в письме к Екатерине Федоровне Тютчевой 18 октября 1866 г. — Вокруг совершается такой процесс разложения, что иной раз страх нападает на душу и хочется сказать: довольно. Что еще придется видеть, пережить и испытать в этом безумном, бессмысленном, пошлом мятеже человеческом»⁵².

Однако реформу отечественной судебной системы Константин Петрович считал не просто необходимой, но и судьбоносной для государственности России. «К числу важнейших вопросов, возникших и поставленных к разрешению в наше время, — писал он в трактате «О реформах в гражданском судопроизводстве», — принадлежит вопрос об устройстве лучшей системы судопроизводства. В какую сторону ни обратится законодатель, желающий утвердить на прочных основаниях государственный порядок и исправить злоупотребления, копившиеся веками, — он повсюду встречается с этим вопросом: забыв о нем, отложив его разрешение на неопределенное время, публичная власть лишила бы сама себя орудия для достижения главной цели своего существования и не могла бы надеяться на прочный успех в деле общественного устройства»⁵³.

Показывая, как много значит хорошо устроенная и эффективно действующая судебная система для государственной власти, Победоносцев обращал внимание и на высокое общественное значение

⁵⁰ См.: Победоносцев К.П. Сочинения. СПб., 1996 С. 50.

⁵¹ К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. М. — Пг., 1923. Т. 1. С. 508.

⁵² Победоносцев К.П. Письма к Е.Ф. Тютчевой (1866) // Отдел ру-

кописей РГБ. Фонд 230 (К.П. Победоносцев). Карт. 4408. Ед. хр. 1. Л. 6.

⁵³ Победоносцев К.П. О реформах в гражданском судопроизводстве // Русский вестник. 1859. Т. 21. Июнь. Кн. 2. С. 541.

суда. «Для того чтобы право было не одним только словом, для того чтобы внешнее выражение его — закон — не был только обманчивой фразой, для этого необходим *правый суд*, — утверждал он. — Только посредством суда законная правда осуществляется, переходит в действие. Нет правого суда, нет и правды общественной. Сколько бы раз и где бы ни уклонялись от закона действия отдельных лиц, нарушитель закона должен знать твердо, обиженный должен твердо надеяться, что перед лицом суда всякое уклонение обнаружится: зло будет *объявлено* злом, и правда правдою. Как бы ни смешались понятия о правде в сознании отдельных лиц, перед зеркалом суда должно быть восстановлено *единое*, истинное, нормальное сознание законной правды: суд должен быть совестью общественной. Что же, если это зеркало потускнело или так дурно устроено, что не может с верностью отражать в себе образ общественных явлений? Если око, которое должно было служить светильником общественному телу, само покрывается тьмою, чего может ожидать, чему подвергнется общество, лишенное своего света?»⁵⁴

Поддержание законности невозможно без принуждения граждан к соблюдению законов. И здесь, полагал Победоносцев, ведущая роль принадлежит суду. «Как бы ни была полна и совершенна система гражданских законов в государстве, — напоминал он простую истину, — законы остаются без действия, и законность не прививается к народному сознанию, если существующий порядок судопроизводства не представляет гражданам верного средства доказать и защитить свое право и получить безотлагательное его разрешение, не обеспечивает им скорого и точного исполнения по решению. Напротив, несмотря на недостаточность и несовершенство законов гражданских, действие их оказывается благотворным и влияние прочным, если оно обеспечено правильным, единообразным и скорым действием правосудия»⁵⁵.

Необходимым условием успешной реформы судебной системы Победоносцев считал в первую очередь глубокое знание истинного ее состояния и ясное понимание, на каких началах должно быть устроено судопроизводство. При этом он считал, что при изучении гражданского судопроизводства нельзя ограничиваться познанием одних законов, должно знать и то, как они исполняются. Но и даже этого казалось ему недостаточным. Победоносцев считал, что после изучения отечественного судопроизводства необходимо тщательным образом изучить те системы судопроизводства иностранного, которые почитаются образцовыми. И это изучение также не должно было, по его мнению, ограничиваться мертвой буквой кодексов, одной лицевой стороной гражданского процесса.

Одной из главных задач будущей реформы гражданского судопроизводства Победоносцев считал обеспечение подлинной состязательности при решении судебных споров. А для этого он полагал необходимым поднять значение адвокатуры. «Только при помощи адвокатов, — подчеркивал он, — судебное состязание может достигнуть полноты и живости, а эта полнота и живость необходима для того, чтобы судья мог обозреть дело со всех сторон, проникнуть в самую сущность его и составить себе твердое убеждение: она только может предохранить судью от односторонности взгляда, столь вредной для правильности решения. Для того, чтобы право получило перевес на суде, с каждой стороны, по каждому требованию должно быть представлено с возможною полнотою и ясностью все, что только следует сказать в защиту каждой стороны; при изложении фактических отношений каждой стороны должно быть высказано и юридическое начало, которое служит им основанием и которым сторона руководствовалась в своих действиях. Только адвокаты способны представить суду такое изложение»⁵⁶.

Значение адвокатов в гражданском процессе Победоносцев видел не только в их способности предо-

⁵⁴ Победоносцев К.П. О реформах в гражданском судопроизводстве // Русский вестник. 1859. Т. 21. Июнь. Кн. 2. С. 542—543.

⁵⁵ Там же. С. 544—545.

⁵⁶ Победоносцев К.П. О реформах в гражданском судопроизводстве // Русский вестник. 1859. Т. 22. Июль. Кн. 2. С. 162.

хранять судей от односторонности взгляда на решаемое дело. «Если суд, — писал он, — не есть механическое дело, для коего достаточно рутинны, если не все равно, кто бы ни судил, то для правого суда необходимо образование целого сословия судей, среди коего хранились бы и неизменное чувство судейского долга и твердость судебной доктрины, дающей устойчивость решениям, а такое сословие не может и образоваться без содействия адвокатов. Всякое приготовление судей в школах, как бы ни было тщательно устроено, образует разве ученых и чиновников, но никак не судей; судье предстоит еще выработаться в той самой среде, для которой он себя предназначает, а для этого необходимы открытая судебная арена, к явлениям коей мог бы он присмотреться и прислушаться, необходимы живые авторитеты, которым мог бы он следовать, необходимы не школьные, а действительные упражнения мысли и слова в судебном деле; судья должен возрасти и укрепиться не на канцелярских обрядностях, убивающих дух юридического знания, он должен пройти школу суда, должен быть свидетелем борьбы судебной, должен испытать ощущения зрителя, ей сочувствующего, покуда в состоянии будет сам принять участие в этой борьбе и в ней собрать все силы, нужные для судейского звания. А борьба эта, повторяем, не может быть действительна, жива, плодотворна и поучительна без участия адвоката»⁵⁷.

Чтобы судопроизводство достигало своих целей, оно должно быть, по мнению Победоносцева, не только состязательным, но и открытым. Если цель правосудия, отмечал он, «действительно состоит в охране правды, в исправлении и обличении неправды, в соблюдении закона, то оно не может, не должно опасаться света, и все действия его должны совершаться открыто, потому что обличение неправды во тьме не есть обличение, объявление правды втайне не есть объявление»⁵⁸. Константин Петрович был убежден, что судопроизводство закрытое, совершающееся под покровом канцелярской тайны, не удовлетворяет целям правосудия. «Иные возра-

жают, — писал он, — что обнаружение зла соединено с некоторою опасностью, что несовершенства общественного организма могут быть исправляемы только постепенно и негласно, что есть язвы общественные, к которым следует прикасаться с осторожностью, которых не следует выставлять наружу; но эти возражения едва ли применимы к делу правосудия общественного. Если формы его несовершенны, если действие его неверно и медленно, если на всяком шагу встречается в нем неправда материальная под ложным видом правды формальной, если господство мертвого обряда вытесняет из него живой дух правды законной, то чем же иным, как не отсутствием света, поддерживаются и развиваются все эти недостатки и можно ли надеяться на исправление их, покуда не будет света и искренности в отправлении правосудия? Канцелярский образ Фемиды, совершающей свое дело с повязкою на глазах, давно уже перестал быть удовлетворительным символом правосудия. Суд, первая потребность гражданского общества, важнейшее дело общественной власти, дело правды, важное не для одних только тех лиц, которые непосредственно в нем участвуют, но и для всех граждан, — должен совершаться не во тьме, но открыто перед всеми»⁵⁹.

Суть реформы гражданского процесса К.П. Победоносцев видел, таким образом, в восстановлении гласности, которой оно обладало в древние времена.

Обновление судопроизводства путем утверждения в деятельности судов принципов законности, состязательности и гласности Победоносцев тесно увязывал и с новым, более совершенным судоустройством. «Если не устроена на правильных началах судебная организация, — предупреждал он, — если судейские должности замещены людьми малоспособными и малообразованными, малообеспеченными в материальном содержании и поставленными в зависимое положение, если притом вместе с судебным делом возложены на судью обременительные обязанности иного рода, то и совершен-

⁵⁷ Победоносцев К.П. О реформах в гражданском судопроизводстве // Русский вестник. 1859. Т. 22. Июль. Кн. 2. С. 163.

⁵⁸ Там же. С. 177.

⁵⁹ Там же.

нейшая система процесса не будет действительна: она останется собранием мертвых форм, которых приложение судья станет почитать существенною своею обязанностью, не заботясь о том, как они прилагаются и к какому результату приводят»⁶⁰.

Реформа гражданского судопроизводства должна была, по мысли Победоносцева, сопровождаться реформой судоустройства. И первым шагом в этом направлении он считал отделение суда от административных органов. «Понятие о суде, — заявлял он, — исключает всякую идею о произволе, а независимость от личного влияния, неподчинение никакому приказу, кроме того, который исходит от закона, составляют необходимое условие, без которого суд не может быть судом». В отделении суда от управления Победоносцев видел первую меру по обеспечению его самостоятельности и независимости. По его словам, «суд должен быть поставлен так, чтоб администрация не вмешивалась в принадлежащее ему решение спорных дел и толкование закона, чтобы святое и разумное дело правосудия совершалось в нем спокойно, без всякого вмешательства со стороны чуждого элемента так называемой кабинетной юстиции, составляющей свои определения в сфере, которой чужды все условия правильного и обдуманного суда: суд должен пользоваться правом отвергать всякое подобное вмешательство»⁶¹.

Для того чтобы суд мог быть вполне самостоятельным и независимым, этими качествами должен обладать и каждый судья. «Для судьи необходимо, —

утверждал Победоносцев, — такое внешнее положение, в котором он мог бы совершать свое дело спокойно и беспристрастно, не подчиняясь ничьему личному влиянию. Он должен быть, во-первых, достаточно обеспечен в средствах к жизни, чтоб иметь возможность без затруднения противиться всем искушениям — снизу, в виде корыстных сделок с подсудными лицами, и сверху — в виде обещаний и наград за личные одолжения и за верность внушениям. Во-вторых, за действия свои по званию судьи он должен отвечать перед законом и судом, а не перед гневом и милостью начальника. Если начальник в иерархическом порядке администрации сохранит при себе право награждать и наказывать судью, отставляя и перемещая его по своему произволу, — в таком случае напрасно было бы ожидать от судьи независимости и добросовестности. В сфере, подчиненной личному влиянию, никогда не воспитается добрый судья для дела, основанного только на свободном убеждении, никогда не образуется судебное сословие, связанное духом правды и чести и единством разумения законов, никогда не утвердится правый суд на прочных основаниях. Только независимые судьи могут быть вполне способны к своему званию и вполне достойны его»⁶².

Таким образом, трактат К.П. Победоносцева «О реформах в гражданском судопроизводстве» выражал своим содержанием идеологию новой судебной системы и тем самым закладывал фундамент новой российской науки гражданского судоустройства и судопроизводства.

⁶⁰ Победоносцев К.П. О реформах в гражданском судопроизводстве // Русский вестник. 1859. Т. 22. Июль. Кн. 2. С. 183.

⁶¹ Там же. С. 185.

⁶² Там же. С. 186—187.

ПОБЕДОНОСЦЕВ КОНСТАНТИН ПЕТРОВИЧ

О РЕФОРМАХ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

К.П. Победоносцев (1827–1907) — русский политический деятель, ученый-правовед и публицист. Сын профессора словесности Московского университета и внук священника. Родился в Москве 21 мая (2 июня) 1827 г. В 1846 г. окончил училище правоведения, поступив на службу в департаменты Сената. В 1860–1865 гг. занимал кафедру гражданского права в Московском университете. С 1861 г. преподавал законоведение великим князьям, в том числе будущим императорам — Александру III и Николаю II. Сенатор (1868), член Государственного совета (1872), обер-прокурор Св. Синода (1880). Пользуясь большим влиянием при дворе, был участником, а зачастую и инициатором принятия целого ряда государственных актов. «Старые учреждения, старые предания, старые обычаи — великое дело» — характернейший девиз Победоносцева. Широко образованный и глубокий исследователь, Победоносцев был автором ряда трудов по гражданскому праву. Источником российского радикализма и нигилизма Победоносцев считал западные теории, веру в безграничные возможности человека, провоцирующую эгоизм и безудержный рост «искусственно образовавшихся потребностей». Умер в Петербурге 10 (23) марта 1907 г.

I

К числу важнейших вопросов, возникших и поставленных к разрешению в наше время, принадлежит вопрос об устройстве лучшей системы судопроизводства. В какую сторону ни обратится законодатель, желающий утвердить на прочных основаниях государственный порядок и исправить злоупотребления, копившиеся веками, — он повсюду встречается с этим вопросом: забыв о нем, отложив его разрешение на неопределенное время, публичная власть лишила бы сама себя орудия для достижения главнейшей цели своего существования и не могла бы надеяться на прочный успех в деле общественного устройства.

Так и должно быть. Жизнь отдельного человека получает смысл и значение не от внешних условий благосостояния, не от материальной силы, не от разнообразия событий и явлений, но от *идеи*, которая одушевляет жизнь. Без идеи вся жизнь представляется несвязным сцеплением случайных явлений, странствованием по свету без плода и без цели. Без идеала, верно хранимого в душе, ни один человек не может собрать внутренние свои силы и направить их от минутных интересов к великой жизненной цели; без идеала потеряется он в день забот, скорбей и лишений; посреди непрестанных падений не найдет в себе силы встать. Есть в человеке *идеал*, —

и вся жизнь озаряется для него ярким светом, обозначается ясная цель, вызываются из души скрытые в ней силы, и одна родит другую в минуту испытания. Возникают ли сомнения, — идея рассеет их; после падения она же даст силу встать; всякому труду она дает смысл и основу, всякому стремлению дает направление, всякому горю указывает конец. Можно сказать, что важнейшее дело в жизни человека есть хранение идеала, ибо идеал есть единственно верная опора, которую он в жизни имеет.

То же самое, что об отдельном человеке, должно сказать и о народе, а в известном отношении и о государстве. В бесконечном разнообразии отношений между гражданами, в ежеминутном столкновении и сближении частных желаний и потребностей, — не необходима ли твердая норма, не необходимо ли правило, которое всему указывало бы место и меру? Назначение государства состоит в том, чтоб осуществлять эту норму, этот идеал, перед коим всякое возникающее зло должно освещаться и исправляться и все расстроенное приводиться в порядок. Этот идеал для государства есть право. В нем состоит драгоценнейшее достояние общества и главная основа внутреннего (а следовательно, и внешнего) его благосостояния. Чем яснее отпечатлевается, чем святее хранится этот идеал в сознании общественном, — тем более правды в обществе, тем более безопасности для каждого гражданина. Верное хранение есть его священнейшая обязанность и вместе священнейшее право и лучшее оправдание государственной власти.

Для того чтобы право было не одним только словом, для того чтобы внешнее выражение его — закон — не был только обманчивой фразой, для этого необходим *правый суд*. Только посредством суда законная правда осуществляется, переходит в действие. Нет правого суда, нет и правды общественной. Сколько бы раз и где бы ни уклонялись от закона действия отдельных лиц, нарушитель закона должен знать твердо, обиженный должен твердо надеяться, что перед лицом суда всякое уклонение обнаружится: зло будет *объявлено* злом, и правда правдою. Как бы ни смешались понятия о правде в сознании отдельных лиц, перед зеркалом суда должно быть вос-

становлено *единое*, истинное, нормальное сознание законной правды: суд должен быть совестью общественной. Что же, если это зеркало потускнело или так дурно устроено, что не может с верностью отражать в себе образ общественных явлений? Если око, которое должно было служить светильником общественному телу, само покрывается тьмою, чего можно ожидать, чему подвергается общество, лишенное своего света?

В исторической жизни обществ бывают критические минуты, когда с особенной ясностью раскрываются перед всеми издавна таившиеся общественные раны, когда вдруг обнаруживаются многочисленные нужды, требующие настоятельного удовлетворения, и смятенное общество не находит под рукой ни средств, ни деятелей к разрешению самых жизненных вопросов. Обращаясь к самому себе со всей силой рефлексии, общество внутри себя начинает отыскивать причины зла и средства к его исцелению; работая над собой, оно возбуждает в себе тот спасительный процесс, посредством которого всякий живой организм залечивает собственные раны; но для того, чтоб этот жизненный процесс начался и действовал успешно, общество неминуемо должно обратиться к жизненному началу — к правде, и в ней одной искать себе спасения. А правда должна быть правдой на деле, а не праздным словом.

Итак, понятно, отчего, наряду с голосами, вопиющими о правде и требующими правды и света, громче и громче слышатся другие, которые говорят о том, что правды не может быть и не будет без *правого суда*; что невозможно ожидать исполнения законов и водворения законности, если нарушитель их на деле всегда имеет средство уклониться от ответственности; невозможно невинному быть уверенным в оправдании, а преступнику бояться наказания, если обвинение и оправдание становятся делом произвола, формы и обрядности; невозможно гражданину быть уверенным в своей собственности и положить на слово и действие своих сограждан, если таков механизм гражданского правосудия, что защищать и отыскивать добросовестно свое право во многих случаях тягостнее, нежели от него отказаться.

II

<...>

Как бы ни была полна и совершенна система гражданских законов в государстве, законы остаются без действия, и законность не прививается к народному сознанию, если существующий порядок судопроизводства не представляет гражданам верного средства доказать и защитить свое право и получить безотлагательное его разрешение, не обеспечивает им скорого и точного исполнения по решению. Напротив, несмотря на недостаточность и несовершенство законов гражданских, действие их оказывается благотворным и влияние прочным, если оно обеспечено правильным, единообразным и скорым действием правосудия.

В настоящее время, когда всеми более или менее ясно сознаются недостатки существующей у нас системы судопроизводства, добросовестный мыслитель, добросовестный гражданин, горячо желающий водворения единого истинного блага, то есть *правды*, в своем отечестве, не может, не должен уклониться от современного вопроса об улучшении суда и расправы. Настоятельность разрешения этого вопроса не подлежит никакому сомнению. Или желаем мы правды и сознаем, что без нее не можем достигнуть прочного блага, или, помышляя только о личном и минутном интересе, остаемся равнодушны к идеалу благоустроенного общества. Если желаем правды, то не можем не искать средств, без которых осуществление ее невозможно. Если мы равнодушны, то что за дело нам до идеи, до опыта веков и поколений, до судьбы сограждан и будущего потомства? «Будем есть и пить: завтра, может быть, умрем». Авось уже после нас хлынет потоп разрушать покинутое нами здание!

Слава Богу, мы еще не дошли и, даст Бог, не дойдем никогда до состояния, в котором такой языческий взгляд на жизнь может встретить сочувствие в большинстве людей, заведывающих общественными делами. Слава Богу, мы хотим еще верить, что каждое сословие у нас хранит в себе зерно общественного

единения и любви к отечеству, и лица, которым принадлежит начало правительственной деятельности, и каждое из сословий готовы отозваться на призыв к общему делу правды, лишь бы в этом призыве не слышался голос раздражения и страсти. Итак, без раздражения и страсти постараемся и добрую мысль, и доброе желание разделить друг с другом посредством доброго слова: от добрых слов родится ясное и твердое убеждение, а убеждение само собой приведет к доброму и прочному делу.

III

Прислушиваясь к голосам и суждениям, которые выражались до сих пор в обществе по поводу неофициальных и полуофициальных толков о судебной реформе, мы замечаем, что почти никто уже не оспаривает необходимости улучшений; но как и на каких началах перемена должна быть произведена, — по этому предмету слышатся самые разнообразные мнения. Большинство, ограничиваясь поверхностной критикой учреждений и обычаев, останавливается на отдельных случаях злоупотреблений и несовершенств, на примерах, взятых наудачу, и не идет далее, по непривычке отвлекаться от частых явлений к общим началам. Это голоса людей, которые видят зло, но не в силах открыть средство к его исцелению, или предлагают местные средства для излечения болезни, тогда как начало ее таится в самом организме, ею пораженном. Таковы большей частью политические дилетанты, рассуждающие обо всех вопросах без приготовления.

<...>

Но изо всех односторонних направлений, которые выражаются в обществе по вопросу о судопроизводстве, мы почитаем самым вредным направление педантов-доктринеров. Не заботясь об указаниях опыта и о требованиях действительной жизни, они обращают все свое внимание на систему и отвлеченную теорию судопроизводства, но и в теории, и в истории имеют в виду не дух учреждения и основные его начала, а составные части его и под-

робности деления. Теряясь в разнообразии форм, собираемых из законодательства всех веков и народов, они стараются сравнением и взвешиванием сухих форм заменить ясное понимание дела, которого недостает у них, и в одних и этих формах ищут разрешения своей задачи. Прикрываясь мантией науки, они забывают, что наука берет свое содержание из жизни, и сама должна быть жива, чтобы с успехом действовать на жизнь. Ставя свою сухую и мертвую доктрину выше уроков истории и жизни, они не хотят справляться ни с условиями среды, которую надеются переделать по своему произволу, ни с людьми, которые посреди этих условий жили и действовали. Собирая, рассчитывая, прикладывая, усложняя формы старые и новые, они хотят во что бы то ни стало воздвигнуть новое здание, потому что стремятся все преобразовать на придуманный лад, но зданию их недостает единства и стройности и духа жизни не слышно в их сложной системе. Тем не менее они готовы всегда испробовать ее на деле и, если не удастся, заменить новой. Везде, где такое направление брало верх и оказывало влияние свое на законодательства, законы являлись сухими сборниками правил и форм, отрешенных и от истории народа, и от условий действительной жизни. Понятно, что в отношении к законам о судопроизводстве влияние педантичного доктринерства еще пагубнее, нежели в прочих частях законодательства.

Опыт чужеземных народов и законодательств должен служить нам уроком: при помощи его мы можем, мы должны избежать тех крайностей, в которые впадали другие, ошибок и неудач, которые следовали за крайностями. Пора убедиться, что как одна рутина, так и одна кабинетная деятельность недостаточна, если нет при ней ясного понимания действительной жизни, нет смысла, распознающего связь явлений между собой и с общими началами. Одно изучение кодексов, как бы ни было добросовестно, не даст нам светлого взгляда и ясного понимания, покуда мы не изучим самых явлений в той сфере, в которой призваны действовать: не забудем, что закон должен истекать из потребностей действительной жизни, если имеет целью водворить посреди нее порядок и

правду; жизнь действительная никогда не может следовать правилу, которое чуждо ей и противоречит ее условиям: к чему же послужит закон, если он станет враждебен с жизнью, и жизнь должна будет для поддержания себя пробавляться нарушениями неисполнимого закона?

Итак, для того чтобы составить себе ясное понятие о том, что требуется для судопроизводства, на каких началах оно должно быть устроено и какая система лучше всего соответствует предположенной цели, одним словом, для того чтобы убедиться в том, *что должно быть*, необходимо прежде всего узнать то, *что есть*, для того чтобы под ногами иметь не воображаемый мир, а твердую почву. Необходимо не только знать, из каких форм, обрядов и правил состоит существующее судопроизводство, но и знать, в какой степени и каким образом то или другое правило закона прилагается к действительной жизни. Надобно изучить судопроизводство на деле: собственный опыт прежде всего должен показать, какие правила и формы должны почитаться существенными и какие могут или должны быть устранены, в чем состоят общие и частные недостатки нашей системы и что может быть оставлено в ней неприкосновенным; что соответствует местным и временным нашим условиям и что, по разногласию с ними, оказалось неисполненным; что успело привиться к народной жизни и что ей противоречит. Может быть, близкое знакомство с действием существующих обрядов и правил, внимательное изучение явлений той среды, в которой они прилагаются, покажет, что виной беспорядка не та или другая форма процессуального обряда, которую мы готовы обсудить безусловно, а законы и условия среды, к которой она прилагается, что новая форма оказалась бы еще менее действительной при тех же самых условиях и законах, что, устранив препятствия, не зависящие от процессуального обряда, мы могли бы удержать с пользой прежний обычай и дать ему впервые истинное значение? Непосредственное и тщательное изучение существующего порядка тем нужнее для законодателя, что только при помощи такого изучения может он освободиться от узких взглядов и привычек вековой

рутины и подняться на ту высоту, с которой взгляд, просвещенный наукой и опытом, в состоянии свободно и беспристрастно обозревать все явления целой сферы, отличая без труда существенное и необходимое от случайного и бесполезного.

Итак, необходимо прежде всего привести в известность свое собственное состояние, собрать запас сведений о том, что существует и совершается у себя, дома. Эта потребность всего ощутительнее в государстве обширном, где одинаковая система применяется к разнообразным местным, племенным и историческим условиям: естественно, что и разумение этой системы и применение ее отличается тем же разнообразием. Иное правило, оказавшееся неприложимым к жизни, везде осталось без исполнения; иное, привившись к одной местности, вовсе не принялось в другой, а в третьей подверглось, в исполнении, совершенному изменению; в четвертой жизнь, оставив без внимания и без исполнения законное правило, официальную форму, само собой, помимо нее, выработала для себя самобытный обряд, путем обычая. В одном месте не нашлось людей для того, чтоб осуществить на деле мысль и намерение законодателя; в другом нашлись такие люди и с первого раза умели водворить около себя сознание нового начала и применение нового правила.

<...>

За изучением отечественного судопроизводства следует изучение тех систем иностранного судопроизводства, которые почитаются образцовыми. Оно не должно ограничиваться ни мертвой буквой кодексов, ни одной лицевой стороной гражданского процесса. Многие путешественники вывозили из больших городов Франции безусловное восхищение от тамошнего судопроизводства; но у весьма немногих впечатление это основывалось на непосредственном знакомстве с судебным делом и всеми пружинами. Блестящие речи известных адвокатов, достоинство магистратуры, тонкое искусство арретистов, вот чем по большей части пленяются путешественники, изучающие судопроизводство в публичных заседаниях; но одно это не даст

еще сознательного и полного понятия о целой системе. Необходимо изучить нижние пути, по которым дело восходит до открытого прения, ознакомиться с кабинетным и канцелярским механизмом, которого действие предшествует суду и без которого невозможно приготовление дела к решению. Тогда только можно дать себе полный отчет в том, легко или трудно в том или другом краю достается частным людям правосудие, чего стоит, какими средствами достигается судебная защита и какое значение имеет каждый обряд в общей системе судопроизводства.

Только при помощи такого изучения просвещенный мыслитель в состоянии будет дать себе ясный и полный отчет в том, что есть существенного, разумного и практически полезного в системах судопроизводства и в разнообразных принадлежностях каждой системы. Не составив себе твердого и отчетливого убеждения по этому предмету, он или потеряется в разнообразии форм и подробностей законодательства и судебных обычаев, или, выбрав одну какую-либо систему, увлечется односторонностью, поглощающей все значение в форме, независимо от того, что составляет сущность и основание формы, ее, так сказать, материальную подкладку. Как бы ни было подробно изучение формы, оно ни к чему не послужит, если плодом его будет только умножение в уме наблюдателя массы бездушных сведений, если оно не расширит его взгляда, не возбудит в нем самостоятельной деятельности. Ум, обогащенный наблюдениями и опытом, тогда только в состоянии создать что-либо прочное и практически полезное, когда успел самостоятельно переработать в себе добытые сведения, и ясно видит перед собой как цель, так и ведущие к ней средства: тогда не будет ему затруднения в выборе форм и учреждений, не будет нужды рабски копировать их и переносить с места на место. Сосредоточив себя в той сфере, в которой призван действовать, знакомый со всеми условиями той почвы, на которой строит свое здание, он должен быть не робким работником, а мастером, увлекающим и план свой, и составные части его из глубины духа, а не из готовых учреждений и кодексов. Вот единственный надежный путь в деле важных

учреждений и преобразований государственных, следовательно, и в деле нового устройства суда и расправы.

<...>

VII

Первое дело государства — доставить правосудие гражданам, устроить порядок формы судопроизводства, так чтобы посредством их каждый гражданин имел возможность защитить и доказать свое право. Второе и немаловажное дело — озаботиться, чтобы граждане как можно реже были в необходимости прибегать к действию правосудия.

Цель гражданского процесса — разрешить спор. Разрешить спор — значит определить неизвестное, сделать его известным, ибо в основании каждого спора и каждой тяжбы лежит, поводом к ним служит не что иное, как *неизвестность*. Я называю вещь своей и, конечно, имею к тому основание. Противник мой называет ее тоже своей и тоже выставляет к тому основание. Мы спорим, следовательно, не согласны в основании права на вещь; стало быть, основание это неясно и требует разъяснения. Если бы ясность его доходила до очевидного непосредственного убеждения, то не было бы места никакому спору. Основания права выражены в законе, а буква закона подлежит истолкованию и изъяснению; толкование же дает возможность спорить. Отсюда возникает неопределенность юридическая, вопрос *о праве*. Если бы возможно было буквой закона определить столь ясно, подробно и точно все права, возникающие из гражданских отношений, что не оставалось бы места толкованию, а следовательно, и сомнению о праве, то не было бы и спора о нем. Но по несовершенству языка и по бесконечному разнообразию отношений невозможно достигнуть этого, и споры о праве всегда будут возникать вновь, но их будет тем более и разрешение их будет тем затруднительнее, чем менее строгости в системе и определенности в смысле закона; напротив, разрешение честных вопросов о праве будет всегда удобно, если закон ис-

ходит из ясного, полного и цельного сознания и общие начала выражены в нем так, что частные случаи могут быть приведены к ним без затруднения.

Положим, что юридический вопрос, возникший в отдельном случае, разрешен судом. Спор между частными лицами кончен, сомнение о праве устранено. Этим удовлетворилась только первая, насущная потребность общества: но этого еще недостаточно для полного достижения цели правосудия. С разрешением вопроса в одном деле должна во всех однородных случаях прекратиться неизвестность по тому же самому вопросу, если то был подлинно вопрос юридический. Если разрешение этого вопроса не останется в безгласности, то нет и повода возбуждать его другим лицам, в другом месте, перед другими судами.

Не должно думать, что значение судебного решения ограничивается только тесной сферой решенного дела, имеет важность в отношении к правам одних тех лиц, которые непосредственно принимали участие в деле. Ограничиться таким узким взглядом можно было только в раннюю эпоху гражданского общества, когда интересы отдельных лиц и сословий представлялись разрозненными и суд стоял еще на первой степени своего исторического развития, являлся прежде всего благодатной заменой насилия и самовольной расправы между членами общества. Эта эпоха в иных местах вполне, в других большей частью давно уже принадлежит к истории прошедшего европейских обществ. Везде в понятии о суде более или менее господствует идея о правде и порядке; везде более и более явственно становится взаимное сближение разных классов общества, все живее ощущается неразрывная связь интересов одного гражданина с интересами другого, так что нарушение права относительно одного лица представляется и другому опасным посягательством на права его: можно сказать, что чем дальше распространяется в обществе, чем глубже проникает в него это чувство взаимной солидарности, тем крепче становится союз правительства с народами и тем сильнее сознание общественной безопасности. С этой точки зрения, до которой возвысилась сов-

ременная наука и непременно должно возвысится всюду общественное мнение, с этой точки суд имеет столько же, если еще не более, важное значение для не участвовавших в нем граждан, как и для тех, которые непосредственно в нем участвовали. Последние, начиная судебную борьбу, являются ратоборцами не за свои только интересы, но и за интересы целого общества: борьба их способствует к утверждению общей безопасности, к разъяснению общих прав. Если с исходом ее успел выясниться спорный вопрос о праве, подтвердилась непоколебимость сделки, происшедшей из свободного соглашения, отвергнуто несправедливое требование, дарована защита обиженному, то необходимым последствием такого приговора должна быть уверенность остальных членов общества, что в подобных случаях подобное право будет почитаться твердым, подобная сделка возымеет полное действие, подобное притязание сделается юридически невозможным. Чем менее единства и твердости в судебных приговорах, тем слабее должна быть и эта уверенность. Вот как важно значение судебного решения, получающего между гражданами гласность.

Но одна гласность решения сама по себе не служит еще достаточным ручательством, что сомнение по разрешенному вопросу не будет возбуждено вновь и не потребует нового решения. Судебных мест в государстве много, и каждое руководствуется одними и теми же законами, судить о деле свободно, не стесняясь мнением другого суда по какому бы то ни было вопросу. Притом, как бы ни была обширна гласность решений, нет возможности каждому суду следить за всеми приговорами всех других судов по всем вопросам; нет повода и частному лицу почитать решение одного суда обязательным для другого суда по другому делу: такого рода правило стеснило бы необходимую свободу судьи и могло бы повести к несправедливостям, к юридическому соблазну. Совсем иное дело, если решение, состоявшееся по спорному вопросу, носит на себе печать *силы*: сила эта может быть двойная, внутренняя сила *разума* и внешняя сила *власти*. Если решение спорного вопроса так ясно, так согласно с правилами здоровой юридической

логики, что никакая критика не в силах поколебать его, никакой ум без натяжки и предубеждения не в силах ему противоречить, если притом суд, постановивший это решение, пользуется по составу и государственному значению своему особым авторитетом, то, без сомнения, во всех однородных случаях каждый судья должен будет покориться убеждению, сделавшемуся для всех очевидным, составить свое мнение по тем же началам, не допускающим противоречия. Тому же убеждению, как скоро оно делается очевидным, необходимо должны будут покориться и частные лица, прежде чем начнут формальный спор о праве. Таким образом, многие вопросы, бывшие прежде спорными и подававшие повод к тяжбам, покуда было еще возможно сомнение, сделаются очевидно доказанными положениями; а с прекращением неизвестности юридической устранится и повод к спорам.

<...>

Отсюда понятно, какие средства ближе всего ведут к ограничению числа спорных вопросов о праве и процессов, по этим вопросам возникающих. *Во-первых*, система и редакция гражданских законов должна быть приведена в возможную стройность, определенность и полноту. Чем теснее будет связь между частными положениями и общими началами законодательства, чем яснее будут высказываться в каждой статье закона мысль и намерение законодателя, чем точнее слова, в которых выражено правило закона, тем менее будет представляться поводов к разнообразному его пониманию и истолкованию. Если же содержание законов бедно и не объясняет института во всей целостности, если редакция их небрежна, неопределительна, обременена темными и тяжелыми фразами и отдельные положения следуют одно за другим без органической связи, тогда личный интерес, хитрость и ябеда тяжущихся в каждой строке закона будут находить повод к тяжбам; с другой стороны, и судебные места столь же часто будут встречать недоумения, не разрешимые одними средствами судебной власти; неизвестность юридическая, умножаясь, вместо того чтоб уменьшаться при содействии закона, поведет

непрерывно к размножению запутанных процессов и произвольных решений.

Излишняя краткость закона бывает в этом отношении столько же вредна, как и излишняя его плодотворность. Закон должен держаться в естественных пределах своей идеи; касаться только тех вопросов, которые необходимо было предвидеть и вывести из сферы произвола, устанавливать только необходимые формальности: ограничивать свободную волю судьи и частного лица там, где нет никакой необходимости стеснять ее, было бы скорее вредно, нежели полезно. Но и молчание законодателя и невнимание его к предметам, возбуждающим споры и недоумения в кругу юридических отношений, повело бы к неудобствам, столько же важным: тогда при отсутствии иной учредительной власти, которая могла бы пополнить недостатки законодательства, за это дело берется личный произвол судей тяжущихся и стряпчих; формы спугиваются, неизвестность умножается, а под покровом неизвестности может свободно действовать только недобросовестность, преследуя свои темные цели.

Во-вторых, постановленное решение должно делаться достоянием не одного только частного лица, в пользу коего состоялось, но по возможности достоянием целого общества и судебной практики. Все, что касается до изъяснения гражданских прав, не может, не должно быть тайной ни для гражданина, ни для общества: можно ли, не впадая в нелепость, представить себе *тайное* право, *тайную* обязанность? Можно ли с успехом ограждать свое право, можно ли с точностью соблюдать свою обязанность, оставаясь в неизвестности о существовании того или другого? Закон должен быть известен всем; но закон есть правило; правило может быть вполне понятно лишь тогда, когда оно объясняется на опыте, на явлениях жизни действительной; приложение закона к этим явлениям производит споры; споры разрешаются судебной властью; понятно, что только посредством ее решений можно знать, какой смысл имеет закон в применении к действительности. Итак, скрывая свои решения от общества, судебная власть и себя лишает света, необходимого для скорого и удобного познания

истины, и отнимает у общества этот свет, без которого частное лицо не может с точностью определить меру прав своих и обязанностей в отношении к другим лицам. Последствием этого бывает юридическая неизвестность, умножающая тяжбы.

В-третьих, в ряду судебных мест пусть будет одно центральное место, облеченное высшим авторитетом судебной власти, — место, которому должна принадлежать руководящая деятельность в истолковании закона. Такое учреждение необходимо: без него и судебное сословие не может получить прочной организации, и судебная практика не может утвердиться на прочных основаниях, и действие закона не будет иметь единства, а без единства нет силы. Как необходим центр тяжести для тела, так для общественного необходим авторитет. В деле судебном будет всегда смещение и разладица, если не управляет им авторитет. Но не должно забывать, что дело судебное есть дело не только внешней власти, но вместе с тем и по преимуществу дело мысли и разума; следовательно, и авторитет его должен быть авторитетом не только формальной власти, но и мысли и разума. Таковым должен быть центральный орган судебной власти. В решениях его никогда не должно слышаться: *Sic volo, sic jubeo: stet pro ratione voluntas!* (так хочу, так приказываю: вместо разума да будет моя воля!). Он должен быть чистым зеркалом юридической истины, и все его решения должны быть основаны на строгих выводах юридической логики: известно, что при строгой последовательности, выводы эти в области права могут привести к убеждению, очевидному для всякого и близко подходящему к точности математической. При таких условиях решения высшего суда будут служить надежным руководством в области гражданского права; и юридические вопросы, бывшие прежде спорными, будут мало-помалу исчезать из нее, уступая место достоверным положениям, не возбуждающим спора.

Средства эти, по нашему мнению, всего ближе соответствовали бы цели тех, которые заботятся об уменьшении тяжб. Мы осмеливаемся думать, что они были бы в этом отношении действительнее всякой новой системы, новой механической регламентации

форм, сроков и подсудностей. Напротив, без них и при какой бы то ни было системе не будет успеха, потому что при помощи одних форм суда и расправы, как бы ни были они совершенны, невозможно достигнуть уменьшения затейных исков и тяжб: назло формам и под прикрытием их процессы будут продолжаться без конца, решения будут распадаться в противоречиях, покуда не истощится главный источник тяжб и противоречий — юридическая неизвестность, смешение понятий о праве.

Чтоб уяснить себе смысл и убедиться в истине вышесказанного, стоит присмотреться к ежедневным явлениям нашей юридической жизни и судебной практики. Всякому, кто несколько знаком с той или другой, известно, какая юридическая неопределенность господствует в судах наших по вопросам самым существенным, едва ли не ежедневно возникающим. Правда, что некоторые из них могли еще не дойти до той зрелости, при которой возможно твердое, единообразное понимание и разрешение; правда, что неясность некоторых достаточно объясняется бедностью догматического права; но из числа юридических вопросов, всего чаще подающих повод к спорам и жалобам, как много есть таких, которые давно вышли бы из разряда спорных, если бы были приведены к общим началам закона и разрешались повсюду единообразно.

<...>

Та же юридическая неопределенность бывает часто причиной неполных, поверхностных решений, в основании коих лежит не юридическая истина, а фактический вывод; такие решения вредны, потому что в них существенный, юридический вопрос с намерением обходится, остается нетронутым; следовательно, и после решения может во всякое время возникнуть с прежней силой.

<...>

За таким решением следуют жалобы, за жалобами пересмотры с той же точки зрения, обращение дела к новому производству, собиране сведений для уяс-

нения таких фактов, которые сами по себе несколько не служат к уяснению вопроса чисто юридического: таким образом, существенное в деле остается все-таки неразрешенным, а все внимание суда отвлекается к фактическому содержанию дела.

Таковы вредные последствия юридической неопределенности. Вот зло, на которое следует нам обратить внимание, если желаем, чтоб успешно действовали новые формы, которыми думаем заменить недостаток, обнаруженный в старых. Не забудем, что и плохой механизм при помощи рабочих сил может с успехом действовать при свете, а без света и совершенная машина, устроенная по всем правилам науки и искусства, не в состоянии выполнить свое назначение.

<...>

IX

Учреждение, имеющее целью достижение и призвание правды в обществе, должно быть само верно правде. Как бы ни были настоятельны, чем бы ни извинялись побуждения, вследствие которых нарушается правда, — в частном ли деле, с задней мыслью о благе общественном (*salut public*), — нигде и никогда правду нельзя нарушать безнаказанно: рано или поздно она отомстит за себя, и нарушение ее отзовется горькими плодами, подрует в самом корне благосостояние частного быта, распалит и исказит жизнь общественную, выведет из равновесия высшие силы, которыми держится и управляется целое общество. Так и должно быть, потому что в сущности сама правда есть основное благо и частного и общественного быта.

Вот начало, которое, по нашему мнению, не следует ни пред каким предлогом упускать из виду, когда рассуждаешь о таком великом деле, каково учреждение суда и расправы. Как бы ни было великолепно новое здание, которое воздвигнется на обломках или из обломков прежнего, как бы ни были отделены, рассчитаны и соображены в общей свя-

зи особенные его части, — оно не будет прочно, оно не исполнит своего назначения, если не будет в нем свойств всего, что может назваться прочным на земле, то есть простоты и правды. Если система судопроизводства должна быть прочной и действовать с успехом, то все формы ее и обряды должны быть действительным выражением того, что под ними предполагается, а не фальшивым официальным представлением того, чего нет в действительности. Суд должен быть судом, а не пустой формой; иначе не будет в нем правды.

<...>

ХІІІ

Первый признак всякой правды есть искренность. Правда не боится света. Что прячется от света и скрывается в тайне, в том верно есть неправда. В этом признаке совесть каждого человека имеет лучшее средство для проверки каждой мысли, возникающей в душе его, каждого движения воли, каждого действия. Есть мысли и движения, которые страшно осветить, потому что они не терпят света: но строгая совесть всюду стремится внести свет для того, что повсюду была правда или, по крайней мере, неправды было как можно менее. Чем сильнее это стремление, тем более приближается человек к тому согласию мысли с словом и действием, которого достижение составляет главную цель во внутреннем его развитии.

Таково же должно быть и стремление совести общественной — правосудия. Если цель его действительно состоит в охранении правды, в исправлении и обличении неправды, в соблюдении закона, то оно не может, не должно опасаться света и все действия его должны совершаться открыто, потому что обличение неправды во тьме не есть обличение, объявление правды в тайне не есть объявление. Итак, когда правосудие человеческое избирает для себя таинственные пути и тщательно скрывает их от общего ведения, это значит, что в путях правосудия есть кривизна, которую оно опасается обнаружить перед всеми. Но кривые пути не обеспечивают прямого до-

стижения предположенной цели; для того чтоб исправить их, необходим свет, без которого невозможно ни ясное сознание недостатков, ни решительное их исправление. Вот почему судопроизводство закрытое, совершающееся под покровом канцелярской тайны, не допускающее объявления судебных действий, скрывающее свои приговоры от всеобщего ведения, не удовлетворяет целям правосудия. Стало быть, достижение правды не вполне обеспечивается судебными действиями, если эти действия не терпят света. Иные возражают, что обнаружение зла соединено с некоторою опасностью, что несовершенства общественного организма могут быть исправляемы только постепенно и негласно, что есть язвы общественные, к которым следует прикасаться с осторожностью, которых не следует выставлять наружу; но эти возражения едва ли применимы к делу правосудия общественного. Если формы его несовершенны, если действие его неверно и медленно, если на всяком шагу встречается в нем неправда материальная под ложным видом правды формальной, если господство мертвого обряда вытесняет из него живой дух правды законной, то чем же иным, как не отсутствием света, поддерживаются и развиваются все эти недостатки и можно ли надеяться на исправление их, покуда не будет света и искренности в отправлении правосудия? Канцелярский образ Фемиды, совершающей свое дело с повязкою на глазах, давно уже перестал быть удовлетворительным символом правосудия. Суд, первая потребность гражданского общества, важнейшее дело общественной власти, дело правды, важное не для одних только тех лиц, которые непосредственно в нем участвуют, но и для всех граждан, — должен совершаться не во тьме, но открыто перед всеми.

<...>

Суд должен быть открытым прежде всего для самих тяжущихся. Для них ни в каком случае не должно быть безусловной канцелярской тайны. Долговременным канцелярским опытом, кажется, давно уже доказано, что установление ненужных запрещений, не принося никому существенной пользы,

вредит только существенным целям правосудия и ведет к разврату самих судей и тяжущихся, устанавливая между ними искусственные ложные отношения. Со стороны тяжущегося очень естественно желание знать, в каком положении находится его дело, в чем дело состояло последнее судебное действие, что доказывает перед судом и чем ходатайствует его противник, как изложена та или другая бумага, которой придает он особенную важность, и т.п. Столь же естественно была бы и со стороны судьи или канцелярии готовность удовлетворить этому желанию. Но если закон без нужды запрещает сообщать тяжущемуся потребное для него сведение, то закон становится сам поводом к нарушению ненужного запрещения, ибо не может ни погасить в тяжущемся естественного желания, ни убедить его в том, что удовлетворение этому естественному желанию есть действие преступное. Где должен быть свет по естественному порядку, там не следует искусственно уничтожать свет и устанавливать тайну, не следует для того именно, чтоб естественное желание света не было нарушением закона. Запрещение непременно будет нарушено, с вредом для нравственности общественной и для прямоты общественных отношений. Тяжущийся вынужден будет искать противозаконных средств для получения нужных сведений, соблазнять судью или чиновника к нарушению закона. С другой стороны, последний, приучаясь мало-помалу входить в тайные сделки с просителем, запугиваясь и сам во множестве запрещений и обрядностей, имеющих по первоначальной цели закона неодинаковое значение, привыкает истолковывать каждое запрещение в самом обширном смысле и делать просителям затруднения, даже там, где закон вовсе не устанавливал безусловного запрещения. Понятно, что со введением словесного судопроизводства должна будет сама собой исчезнуть большая часть запрещений, которые составляют принадлежность письменного суда и приказной формы; но и всякая система словесного суда непременно должна удовлетворять необходимым условиям гласности. Условия эти требуют в особенности: чтобы судья входил в непосредственные сношения с одной стороной по судебным действиям своим не иначе как в присутствии другой сто-

роны; чтобы каждый акт, каждое требование одной стороны были немедленно сообщаемы другой; чтобы каждая сторона имела право во всякое время требовать оказания актов и бумаг, заключающихся в деле; чтобы каждая сторона имела право присутствовать при допросе свидетелей и принимать в нем участие под надзором суда; чтобы доклад дела, если он требуется, не был тайной, но совершался в присутствии сторон и подлежал их возражениям. Вот главные условия гласности, соблюдение коих необходимо для того, чтобы тяжущиеся могли сохранить прямые, открытые отношения к суду и полное к нему доверие.

Но для того, чтобы соблюдение этих необходимым условий было вполне обеспечено, нужна еще иного рода гласность: для того, чтобы он не был тайной и для всего общества. Во-первых, суд есть дело общественное; следовательно, общество вправе интересоваться тем, что на нем происходит: тем живее этот интерес, чем крепче связь членов общества между собой, составляющая самую надежную опору общественного порядка; а потому общественная власть не может желать, чтобы каждый гражданин почитал важным для себя только личный интерес свой, оставаясь равнодушным к правам остальных граждан. В этом смысле судебный приговор есть достояние целого общества, а суд становится средством для развития в обществе правильных понятий о праве и для утверждения в каждом гражданине уважения к закону и сознания взаимных прав и обязанностей; чем доступнее становится для граждан понятие о праве, тем более одушевляется самое право жизненными началами народности. В закрытых судах развитие права совершается под влиянием одностороннего, схоластического или приказного взгляда, разобщаясь более и более с жизненной средой, из которой оно должно возникать и в которой должно действовать.

Во-вторых, как бы ни были судьи опытны и добросовестны в своем деле, они по свойству человеческой природы легко могут уклоняться от справедливости и нарушить меру, если дело свое совершают втайне и не подлежат контролю общественного

мнения. В самом лучшем судье может развиться мало-помалу чувство равнодушия, если единственно в себе самом должен он искать возбуждений и одобрений, поддерживающих живое участие в деле, невольно притупляемое привычкой: не у всякого найдется столько силы, чтоб он мог всегда сам поддерживать себя, не нуждаясь в участии целого общества. Кому близко известны обычаи закрытых судов, тот, конечно, знает, как нетрудно ревностному судье превратиться в равнодушного: к сожалению, многие судьи доходят до того, что без малейшего упрека совести занимаются чтением газет или дремлют во время заседания и, подписав поданные им бумаги, думают, что исполнили свою обязанность. Столь печальные и, к сожалению, столь известные всем явления делаются невозможными при открытом суде. Что делается в четырех стенах, без свидетелей, того нельзя уже дозволить себе в присутствии общества. Закрытый суд нередко принимает вид домашнего дела, которое обдeldывают между собой судьи с делопроизводителями: нет нужды распространяться о том, как унижается правосудие таким воззрением, или, лучше сказать, такой привычкой, которую бессознательно приобретают приказные судьи, не думая даже о том, сколько в ней унижительного для звания судьи. Но в открытом и публичном заседании суд носит на себе характер достоинства и торжественности, с которым несовместны подобные привычки: каждый из судей прежде всего станет заботиться о том, чтобы унижить в лице своем достоинства судьи, а тяжущийся или адвокат в публичном заседании суда не всегда решится на такие речи, которые без всякого стыда изложил бы на бумаге: он позаботится тогда тщательнее взвесить и доказательства, и обвинения свои, потому что противник может публично обличить и устыдить его в неправде. Присутствие публики благотельно действует и на адвокатов. Только в присутствии общества каждый адвокат получает действительное сознание лежащей на нем нравственной ответственности; ибо при закрытых стенах суда адвокат еще более, нежели судья, способен увлечься инстинктами лени равнодушия к своему делу. Но под контролем общественного мнения всякий употребит все силы для того, чтобы поддержать честь или

утвердить свою репутацию, постарается сделать ясным и общедоступным свое изложение, строже проверит логическую крепость своих доводов. Только в публичном заседании может развиться талант адвоката; здесь только тяжущиеся и получают возможность ознакомиться со способностью того или другого адвоката, которому желают поручить свое дело.

<...>

Не должно представлять себе, однако же, что всякое заседание суда предполагает необходимо присутствие публики. Невозможно ожидать, чтобы по всякому делу, и самому незначительному, зала заседания наполнялась слушателями, потому что всякий занят собственными своими делами, и общий интерес в публике возбуждается лишь некоторыми процессами, вызывающими, по содержанию своему или по личности участвующих, особое любопытство; в большей части случаев зала заседания остается пустой. Но не в том состоит публичность заседания, чтобы всегда присутствовала при нем публика, а в том, чтобы всякий имел возможность быть свидетелем суда. Однако сознания этой возможности будет уже достаточно для того, чтобы и судьи, и тяжущиеся почитали открытым для всех все, что совершается на суде. Притом усмотрению суда предоставляется обыкновенно устранять публичность заседания в тех случаях, в которых суд признает ее несовместной с требованиями общественной нравственности, или когда сами тяжущиеся во взаимному согласию пожелают судиться в закрытом заседании.

XV

С вопросом о судопроизводстве тесно связан вопрос об устройстве судебной власти и ее органов. Как бы ни была совершенна система судопроизводства, невозможно положиться на нее исключительно и успокоиться на той мысли, что эта система повсюду и при всяких условиях должна действовать с успехом, что при помощи ее и под ее влиянием сами собой исправятся те орудия, посредством которых дей-

ствие ее совершается. Если не устроена на правильных началах судебная организация, если судебные должности замещены людьми мало способными и мало образованными, мало обеспеченными в материальном содержании и поставленными в зависимое положение, если притом вместе с судебным делом возложены на судью обременительные обязанности иного рода, то и совершеннейшая система процесса не будет действительна: она останется собранием мертвых форм, которых приложение судья станет почитать существенной своей обязанностью, не заботясь о том, как они прилагаются и к какому результату приводят. Совершенствуя формы судопроизводства, необходимо в той же мере усовершенствовать и формы судопроизводства и поставить суд на ту степень власти и значения, которые принадлежат ему в ряду государственных учреждений.

Первое условие для этого есть строгое отделение суда от управления. Деятельность той или другой власти совершенно различная. Цель как той, так и другой — охранение общественного порядка, применение закона. Но судебная власть, имея в виду чистое право и строгую норму закона, руководствуется им, и только им одним, неуклонно и последовательно, не обращая внимания ни на какие временные, местные и личные условия; всегда верная сама по себе и строгому разумному истолкованию закона, она принимает только те соображения, которые указывает ей этот самый закон. Судья ставит перед собой частный вопрос, подлежащий его разрешению, и идет к этому разрешению размеренным, осмотрительным шагом; не опуская ни одной обязательной формы, взвешивая строго все обстоятельства, относящиеся к вопросу, он не обязан ничего искать за пределами этого вопроса и не спрашивает себя, чем отзовется, какое действие произведет его приговор в частной или общественной жизни. Если судья решил дело по своему убеждению о *праве*, составляющем единственную цель судебного изыскания, то затем уже нисколько не ответствен за последствия своего решения.

Не таков путь администрации. Имея в виду потребность минуты и условия места, она с этой потреб-

ностью, с этими условиями соображает свои действия, посреди множества разнообразных обстоятельств избирает скорейший и вернейший способ к достижению своей цели и в применении закона нередко бывает в необходимости руководствоваться не столько строгой идеей закона, который она не имеет права и способности истолковывать, сколько колеблющимся чувством справедливости и меры; она принимает в соображение не только личность гражданина, но и отношения его к целому обществу; действия ее, непосредственно следующие за решением, простираются в своем влиянии на все разнообразные отношения лица и на целую среду, в которой совершаются. От этого правила, руководствующие деятельностью администрации, столь же разнообразны и изменчивы, как обстоятельства, посреди коих она действует.

Отсюда очевидно, что каждый род деятельности требует особо приготовленных людей и что смешение в одном и том же органе судебной и правительственной деятельности непременно ведет к смешению понятия о праве — в судье, к педантизму и формализму — в администраторе. Администрация, с одной стороны, допускает некоторый произвол в действиях лиц, облеченных властью, с другой — требует зависимости, подчинения и исполнительности. Напротив, понятие о суде исключает всякую идею о произволе, а независимость от личного влияния, неподчинение никакому приказу, кроме того, который исходит от закона, составляют необходимое условие, без которого суд не может быть судом: если же к обязанности судьи принадлежат дела управления, то он поневоле перенесет и в судебную свою сферу, из сферы административной, привычку повиноваться личной воле, привычку, которая в отношении к суду есть соблазн и отрицание правосудия. Суд должен быть самостоятелен и независим, следовательно, должен быть отделен от управления; не мешаясь в дела администрации, суд должен быть поставлен так, чтобы администрация не вмешивалась в принадлежащее ему решение спорных дел и толкование закона, чтобы святое и разумное дело правосудия совершалось в нем спокойно, без всякого вмешательства со стороны чуждого элемента так на-

зываемой кабинетной юстиции, составляющей свои определения в сфере, которой чужды все условия правильного и обдуманного суда: суд должен пользоваться правом отвергать всякое подобное вмешательство. К области суда принадлежит все, что может составлять предмет спора о праве и гражданского требования: каково бы ни было личное положение истца и ответчика, из какого бы действия ни приистекало основание иска, — место истцу и ответчику должно быть перед судом, а не перед администрацией... С другой стороны, к области суда не должно относиться ничто, принадлежащее к управлению и к бесспорному производству: обременение суда делами, в которых нет спора, а есть только исполнение, совершение или свидетельство, не соответствует истинному значению суда и препятствует успешному отправлению правосудия.

В понятии некоторых суд представляется не более как средством для разрешения частных распрей, а главной целью его предполагается — установить порядок там, где он был нарушен вследствие частного несогласия. С этой точки зрения сущность приговора становится уже делом второстепенным, а при равнодушном отношении к этому предмету можно дойти до той мысли, что и нет нужды требовать от судьи во всех случаях особых качеств, нужных для этого звания, нет нужды искать разумного единства в судебных приговорах. Подобной односторонностью взгляда объясняется равнодушие некоторых государственных людей к поддержанию внутреннего и внешнего достоинства судебной власти. Но такое понятие о суде не соответствует уже потребностям нашего времени и современному развитию общественной жизни. Было бы еще недостаточно, если бы суд только обеспечивал вообще охранение внешнего порядка и служил только к прекращению несогласий: необходимо, чтоб он обеспечивал *каждому гражданину* спокойное и верное пользование принадлежащим ему *правом*, необходимо, чтобы каждый приговор суда был основан на праве, а в этом смысле по каждому спорному делу требуется не только решение, но и решение *верное, правое*. Невозможно общественной власти полагаться исключительно на форму судебного приговора и оставаться равно-

душной к существу его: довольствуясь формой, не трудно забыть о том, что форма установлена для того, чтобы собственность была присуждена тому именно, кому она принадлежит по праву. Если придет в забвение эта существенная цель правосудия, то может ослабеть в обществе священное уважение к правам всех и каждого. Поэтому и для общественной власти весьма важно, чтоб суд получил действительное, принадлежащее ему значение.

Для того чтобы суд мог быть вполне самостоятелен и независим, необходимо, чтоб и каждый судья имел те же самые качества. Для судьи необходимо такое внешнее положение, в котором он мог бы совершать свое дело спокойно и беспристрастно, не подчиняясь ничьему личному влиянию. Он должен быть, во-первых, достаточно обеспечен в средствах к жизни, чтоб иметь возможность без затруднения противиться всем искушениям — снизу, в виде корыстных сделок с подсудными лицами, и сверху — в виде обещаний и наград за личные одолжения и за верность внушениям. Во-вторых, за действия свои по званию судьи он должен отвечать перед законом и судом, а не перед гневом и милостью начальника. Если начальник в иерархическом порядке администрации сохранит при себе право награждать и наказывать судью, отставлять и перемещать его по своему произволу, — в таком случае напрасно было бы ожидать от судьи независимости и добросовестности. В сфере, подчиненной личному влиянию, никогда не воспитается добрый судья для дела, основанного только на свободном убеждении, никогда не образуется судебное сословие, связанное духом правды и чести и единством разумения законов, никогда не утвердится правый суд на прочных основаниях.

Только независимые судьи могут быть вполне способны к своему званию и вполне достойны его.

<...>

Под внешним гнетом, под законом страха, под личной опекой не может развиваться духовная сила, требующая свободы и самосознания, и ежедневный опыт

показывает нам, что ответственность перед лицом всегда превращается в случайную и воображаемую ответственность, а правительственный надзор за правосудием — в формальную очистку посредством наружной отчетности и периодических подтверждений. Нет сомнения, что независимость суда и судьи сама по себе, при отсутствии других необходимых качеств, еще недостаточна для того, чтобы суд сделался вполне соответствующим своему назначению: в таком случае независимость эта легко может превратиться в деспотизм и привычку к насилию. Но в соединении с словесной формой суда и с гласностью независимость суда будет именно той силой, которая способна поднять суд на степень самостоятельной власти, а судебному сословию дать нравственное единство и правильную организацию. Как одно из учреждений государственных, суд не изымется от надзора высшей государственной власти; как всякое дело общественное, суд подлежит контролю общественного

мнения. Но и власть государственная, и общество могут следить за действиями суда только тогда, когда действия его будут открыты для всех: в противном случае всякий надзор будет недействителен, всякие предписания, подтверждения, ревизии и отчетности останутся пустой и лживой формой; потому что и для общественной власти публичность составляет единственно верное средство надзора.

*Фрагменты из работы Победоносцева К.П.
«О реформах в гражданском судопроизводстве»
публикуются по изданию:
Русский вестник.
М., 1859. Т. 21. Июнь. Кн. 2. С. 541—581;
Т. 22. Июль. Кн. 1. С. 5—34. Кн. 2. С. 153—190.*

Составитель проф. В.А. Томсинов